ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА при ЦК ВКП(б)

А. В. ВОСТРИКОВ
кандидат философских наук

ПОЗНАВАЕМОСТЬ МИРА И ЕГО ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

Лекции, прочитанные
в Высшей партийной школе
при ЦК ВКП(б)

МОСКВА 1951

ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА при ЦК ВКП(б)

Кафедра диалектического и исторического материализма

А. В. ВОСТРИКОВ
кандидат философских наук

ПОЗНАВАЕМОСТЬ МИРА И ЕГО ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

Лекции, прочитанные в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б)

МОСКВА 1951

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Марксистский философский материализм о познаваемости мира . . . 3

Познание как процесс отражения материального мира в сознании людей 11

Непосредственное живое созерцание — начальная ступень познания . . 18

Абстрактное мышление — высшая ступень познания 29

Объективная, абсолютная и относительная истина 44

Роль практики в процессе познания 59

Редактор А. Д. Макаров

А03460. Подп. к печ. 6/IV 1951 г. Заказ 46. Объем $4^1/_2$ п. л. Тираж 57 000

Типография Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б).
Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.

Марксистский философский материализм о познаваемости мира

Классический ответ на вопрос о познаваемости мира и его закономерностей дает товарищ Сталин в своем замечательном труде «О диалектическом и историческом материализме». Товарищ Сталин пишет: «В противоположность идеализму, который оспаривает возможность познания мира и его закономерностей, не верит в достоверность наших знаний, не признает объективной истины, и считает, что мир полон «вещей в себе», которые не могут быть никогда познаны наукой, — марксистский философский материализм исходит из того, что мир и его закономерности вполне познаваемы, что наши знания о законах природы, проверенные опытом, практикой, являются достоверными знаниями, имеющими значение объективных истин, что нет в мире непознаваемых вещей, а есть только вещи, еще не познанные, которые будут раскрыты и познаны силами науки и практики» [1].

В этом положении с предельной ясностью подчеркивается, во-первых, что учение марксистского философского материализма о познаваемости мира принципиально противоположно не только агностицизму, но и всему философскому идеализму, так как все идеалисты, отрицая объективную реальность материального мира, отрицают тем самым и достоверность наших знаний о нем; во-вторых, что достоверными, истинными знаниями являются только такие знания, которые проверены опытом, практикой; в-третьих, что познание есть диалектический процесс перехода от незнания к знанию.

Положение товарища Сталина о познаваемости мира представляет собой вывод, итог развития марксистско-ленинской теории познания, предельно широкое научное обобщение гигантского опыта социалистического строительства, истории развития отдельных наук и новейших данных естествознания. Оно вселяет в сознание ученых и всего советского народа уверенность в победе человека над стихийными силами природы, уверенность и величайший оптимизм в деле строительства коммунизма.

Теория познания диалектического материализма — это высшая, качественно новая ступень в развитии материалистического учения

---

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 543. Изд. 11.

о познаваемости мира. Она является составной частью мировоззрения марксистско-ленинской партии и в корне враждебна идеалистическим теориям познания, служащим в руках буржуазии идейным оружием духовного закабаления трудящихся.

Марксистский философский материализм, утверждая, что мир и его закономерности вполне познаваемы, открывает перед наукой широчайшие перспективы в исследовании законов природы и общества, мобилизует ученых и трудящиеся массы на активную творческую деятельность. Напротив, философский идеализм, отрицая возможность познания мира, не веря в достоверность наших знаний, закрывает путь к научному познанию объективной действительности, культивирует среди трудящихся масс религиозное суеверие.

Проблема познаваемости мира, проблема о том, могут ли наши представления и понятия о действительном мире быть верными его отображениями, является второй стороной основного вопроса философии: вопроса об отношении мышления к бытию. В зависимости от положительного или отрицательного решения этой второй стороны основного вопроса философии философы делятся на два лагеря: материалистов и идеалистов-агностиков. Материалисты признают возможность познания мира, достоверность наших знаний; идеалисты, напротив, отрицают возможность познания мира, не верят в достоверность наших знаний.

По вопросу о познаваемости мира, как и по другим важнейшим вопросам философии, все время идет острая борьба между материализмом и идеализмом. Борьба по этому вопросу представляет собой идеологическую форму классовой борьбы между враждебными классами. Раскрывая классовую сущность агностицизма, Ленин писал:

«Агностик — слово греческое: *a* значит по-гречески не; gnosis — знание. Агностик говорит: не знаю, есть ли объективная реальность, отражаемая, отображаемая нашими ощущениями, объявляю невозможным знать... Отсюда — отрицание объективной истины агностиком и терпимость, мещанская, филистерская, трусливая терпимость к учению о леших, домовых, католических святых и тому подобных вещах» [1].

Агностицизм является выражением идеологии реакционных, эксплуататорских классов, не верящих в прогресс и стремящихся всеми способами отвлечь внимание ученых от необходимости познания законов объективной действительности. Агностики и скептики, отрицая возможность познания мира, распространяют тем самым проповедь пассивного, безразличного отношения к окружающему людей миру, помогая эксплуататорам сохранить свое господство.

Более яркое свое проявление агностицизм нашел в буржуазной философии, в особенности в философии Давида Юма (1711—1766 гг.)

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 115.

и Иммануила Канта (1724—1804 гг.). Сущность агностицизма Юма — английского философа, субъективного идеалиста, и Канта — основоположника немецкого классического идеализма, как и всякого агностицизма, состоит в отрицании познаваемости мира и его закономерностей. Общим между Юмом и Кантом является то, что оба они принципиально отгораживают явления от сущности, ощущение от ощущаемого, вещь для нас от «вещи в себе». Но Юм, как указывает Ленин, ничего знать не хочет о «вещи в себе», самую мысль о ней считает философски недопустимой, Кант же допускает существование «вещи в себе», но объявляет ее непознаваемой, принципиально отличной от явления, принадлежащей к области «потустороннего» мира, не доступной знанию, но открываемой вере.

Юм не только сомневался в существовании внешнего мира, но и, в отличие от Канта, прямо отказывался решать вопрос о том, есть ли что-нибудь вне наших восприятий. Юм считал вопрос о существовании предметов вне нашего сознания неразрешимым для человека. На этот вопрос, с точки зрения Юма, нельзя ответить потому, что все наши представления о внешнем мире мы получаем только через наши органы чувств, которые дают нашему сознанию только чувственные восприятия, но установить связь наших восприятий с предметами внешнего мира Юм считает невозможным.

Таким образом, Юм приходит к утверждению, что сознание не имеет перед собой ничего, кроме восприятий. Наши восприятия суть наши единственные объекты познания, а существует ли внешний мир, мы не знаем и знать не можем.

Кант, в отличие от Юма, признавал объективный мир, но в то же время считал его непознаваемым. Наше знание, утверждал он, ограничивается лишь миром явлений. Кант проводил непроходимую грань между миром явлений и миром «вещей в себе». Он признавал источником наших знаний опыт, но в опыте, говорил Кант, нам даются только явления, восприятия, порождаемые воздействием на наши органы чувств «вещей в себе», тогда как сами «вещи в себе» остаются для нас непознаваемыми.

Мир явлений, по Канту, создается из ощущений, получаемых в результате воздействия «вещей в себе» на наши органы чувств. Но так как «вещи в себе», в понимании Канта, находятся по ту сторону явлений, отгорожены от последних непроходимой перегородкой, то они не могут быть источником причинной связи между явлениями. Таким источником, вносящим единство и закономерность в многообразие чувственных представлений, является рассудок с его априорными принципами (причинность, необходимость и т. д.). Кант утверждает, что с помощью этих, якобы априорных, т. е. данных до всякого опыта, принципов рассудок человека приводит

в связь ощущения, устанавливает между ними порядок, диктует законы природе.

Предметом познания у Канта является не материальный мир, а лишь априорные формы сознания. Кант отрывает форму познания от содержания нашего знания, резко противопоставляет их друг другу. «...У Канта, — говорит Ленин, — познание разгораживает (разделяет) природу и человека; на деле оно соединяет их...» [1].

Агностицизм Канта был реакцией на французский материализм XVIII века. Материалисты Франции XVIII века глубоко верили в силу человеческого разума, в его способности к безграничному познанию мира.

Кант же, отрицая возможность познания объективного мира, сознательно принижал знание, чтобы очистить место вере. Проводя принципиальную грань между явлением и «вещью в себе», Кант пытался поставить предел знанию, доказать его бессилие.

Кант утверждал, что если областью наук является созданный с помощью априорных принципов сознания мир явлений, то областью веры может быть потусторонний, недоступный познанию мир «вещей в себе», в том числе бог, бессмертие души и свобода воли. Веру в бытие бога Кант считал практической необходимостью для людей, особенно для людей низших сословий, ибо без нее они будто бы не могут быть счастливы.

Своей философией Кант стремился укрепить религию и с ее помощью современные ему порядки прусского государства. Дуалистическая, в основном идеалистическая философия Канта отражала собой классовый компромисс немецкой буржуазии конца XVIII столетия с реакционной, феодальной аристократией и прусской монархией.

Философия Канта была примиренческой. Кант прикрывал реакционную сущность своей философии не только наукообразными построениями, но и уступками материализму.

«Основная черта философии Канта, — писал Ленин, — есть примирение материализма с идеализмом, компромисс между тем и другим, сочетание в одной системе разнородных, противоположных философских направлений. Когда Кант допускает, что нашим представлениям соответствует нечто вне нас, какая-то вещь в себе, — то тут Кант материалист. Когда он объявляет эту вещь в себе непознаваемой, трансцендентной, потусторонней, — Кант выступает как идеалист» [2].

В самой философии Канта, таким образом, содержалась возможность критики ее с диаметрально противоположных точек зрения: и слева и справа. Идеалисты критиковали Канта справа, за его признание «вещи в себе», за уступку материализму. За допу-

---

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 65. Госполитиздат. 1947.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 184—185.

щение «вещи в себе» критиковали Канта субъективный идеалист Фихте, неокантианцы, махисты.

С критикой агностицизма Канта с позиций объективного идеализма выступал Гегель. Но, критикуя агностицизм Канта, Гегель лишь формально признавал познаваемость мира; как и все идеалисты, он фактически отрицал возможность познания действительного, материального мира, существования которого он вообще не допускал.

Материалисты критиковали Канта слева, за его агностицизм, за то, что он объявил «вещь в себе» непознаваемой.

С яркой критикой агностицизма Канта выступил еще Фейербах, указавший на нелепость признания какой-то пропасти между миром явлений и миром «вещей в себе». Для Фейербаха как материалиста ощущение есть результат воздействия объективно существующих вещей на наши органы чувств. Но материалистические возражения Фейербаха, как говорит Энгельс, были более остроумны, чем глубоки. Не понимая диалектики процесса познания, роли и значения практики в познании, Фейербах не мог дать решительного опровержения агностицизма.

Огромную роль в борьбе с агностицизмом сыграли классики русской материалистической философии, особенно Чернышевский. Чернышевский подверг резкой критике Канта за его агностицизм и субъективизм. Он критиковал Канта слева, не за допущение «вещи в себе», а за неумение вывести наше знание из этого объективного источника, за отрыв форм нашего чувственного восприятия от форм действительного существования предметов. В своей критике кантианства, как указывает Ленин, Чернышевский стоял вполне на уровне Энгельса.

С поразительной меткостью разоблачая реакционный, антинаучный смысл агностицизма Канта, Чернышевский показывает, что идеализм и агностицизм были направлены против материализма, против естествознания, были направлены на защиту религии, веры в бога.

Однако только творцы нового, пролетарского мировоззрения — Маркс и Энгельс, — введя критерий практики в теорию познания материализма, нанесли сокрушительный удар по агностицизму. В своих тезисах о Фейербахе Маркс резко подчеркнул, что вопрос о достоверности нашего познания вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. В практике человек доказывает истинность познания.

В работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Энгельс, критикуя агностиков и отстаивая материалистическое положение о достоверности наших знаний, подчеркивает, что самое решительное опровержение агностицизма заключается в практике, в эксперименте и в промышленности. «Если мы можем,— говорит Энгельс, — доказать правильность нашего понимания дан-

ного явления природы тем, что мы сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой «вещи в себе» приходит конец»[1].

Практика, развитие науки являются лучшим доказательством несостоятельности, ложности точки зрения агностицизма и правильности материалистических выводов о познаваемости мира, о достоверности наших знаний о нем.

Огромное значение в борьбе с агностицизмом Юма, Канта, кантианцев и махистов имеют работы В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме». Ленин и Сталин, отстаивая и развивая дальше положение марксистского философского материализма о познаваемости мира, нанесли смертельный удар агностицизму и всем формам его возрождения в период империализма.

Критикуя агностицизм, Ленин делает три гносеологических (теоретико-познавательных) вывода, имеющих огромное значение для уяснения марксистско-ленинской теории познания и коренного отличия ее от агностицизма.

Во-первых, отмечает Ленин, вещи существуют независимо от нашего сознания, существующие вне сознания и независимо от сознания вещи вполне познаваемы.

Во-вторых, никакой принципиальной разницы между «вещью в себе» и явлением нет и быть не может. Разница есть просто между тем, что познано, и тем, что еще не познано.

В-третьих, развитие познания есть переход от незнания к знанию, превращение «вещей в себе» в «вещи для нас», вещей непознанных в вещи познанные.

Развивая дальше эти гносеологические выводы Ленина, товарищ Сталин подчеркивает, «что нет в мире непознаваемых вещей, а есть только вещи, еще не познанные, которые будут раскрыты и познаны силами науки и практики»[2].

Классики марксизма-ленинизма за разнообразными формами агностицизма вскрывают общую идейную линию агностиков, квалифицируют ее как философский идеализм, как реакцию на теорию познания материализма, а самих агностиков — как проповедников поповщины и фидеизма (реакционная теория, дающая предпочтение вере перед наукой).

Живучесть агностицизма, как и идеализма вообще, объясняется его служебной ролью в классовом обществе, тем, что он служит реакционным, эксплуататорским классам, идейные интересы которых сводятся к стремлению ограничить знание, чтобы тем самым окутать мраком мистицизма сознание широких масс трудящихся.

---

[1] Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, стр. 18. Госполитиздат. 1948.

[2] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 543.

Именно классовыми интересами империалистической буржуазии объясняется проявление и широкое распространение агностицизма в современной буржуазной философии и науке. Современные буржуазные философы и ученые не отказываются полностью от науки, так как она нужна империалистам для использования ее в интересах вооружения, наживы и в других корыстных целях. Но в то же время современная буржуазия боится прогрессирующего значения науки, ее огромного влияния на народные массы. Поэтому современные буржуазные философы и ученые в угоду буржуазии всячески стараются доказать бессилие науки познать объективную реальную действительность. Они утверждают, будто современная наука подтверждает положение кантианского агностицизма о пределе человеческого знания и будто выход за этот предел возможен только для веры.

Так, один из многих философов американской империалистической агрессии, представитель так называемого «критического реализма», Сантаяна, открыто заявляет, что только та наука может быть истинной, которая основывает свои выводы на вере. Этот проповедник фидеизма всячески старается принизить научное знание, чтобы укрепить позиции религии. Повторяя антинаучные утверждения агностиков о непознаваемости мира, Сантаяна сводит все идеи к символам, знакам, произвольно устанавливаемым субъектом.

Все современные философы-идеалисты оспаривают возможность познания мира, не верят в достоверность наших знаний, утверждают, что наука не в состоянии раскрыть законы развития природы и общества. Агностицизм ныне глубоко проник в буржуазную науку, в особенности в физику и биологию.

Только советские ученые и советская наука уверенно идут вперед к все более глубокому познанию природы, потому что они руководствуются единственно правильной философией — философией диалектического материализма.

Процветание передовой советской науки — яркое свидетельство торжества диалектического материализма в науке. Положение марксистского философского материализма о познаваемости мира, вооружающее ученых верой в силу человеческого разума, в его безграничные способности познать объективный материальный мир, блестяще подтверждается всем ходом развития научного знания, крупнейшими открытиями в науке. Открытия в области изучения атома, практика расщепления атома и атомного ядра, использование внутриатомной энергии — все эти достижения современной физики еще и еще раз подтверждают правильность положения марксистского философского материализма о познаваемости мира и опровергают реакционные измышления современных буржуазных физиков-идеалистов о непознаваемости микромира.

Утверждением о непознаваемости законов реального мира буржуазные ученые и философы пытаются закрыть дорогу для науч-

ного предвидения и тем самым разоружить трудящиеся массы в их борьбе за революционные преобразования природы и общества, но они забыли ту простую, непреложную истину, что процесс развития науки, так же как и историю человеческого общества, нельзя повернуть вспять. Наука, как и история в целом, развивается поступательно, по восходящей линии, сметая на своем пути все отжившее, реакционное. Ярким примером этого может служить могучий прогресс науки в СССР, в частности развитие биологической науки. Известно, как морганисты-менделисты долгое время распространяли в нашей стране реакционное учение Менделя, Вейсмана и Моргана о независимости наследственных изменений от живого тела и его условий жизни. Утверждая, что наследственные изменения не имеют определенного направления, морганисты-менделисты пытались преградить путь развитию прогрессивной материалистической мичуринской биологии и тем самым разоружить сельскохозяйственную практику.

Считая «наследственные изменения принципиально не предсказуемыми», вейсманисты-морганисты проповедовали своеобразную концепцию агностицизма в биологии, в духе кантианского агностицизма, утверждая, что мы познаем только свойства тел, а не их сущность, от которой зависят эти свойства. Этой непознаваемой сущностью для современных вейсманистов является так называемое «вещество наследственности». Агностицизм вейсманистов-морганистов имел своей целью отрицание возможности направленного изменения наследственности.

Однако все усилия и попытки вейсманистов-морганистов задержать с помощью агностицизма прогресс биологической науки в нашей стране оказались тщетными. В результате научной дискуссии по вопросам биологии нанесен сокрушительный удар реакции в науке, разгромлен реакционный вейсманизм-морганизм и восторжествовало передовое мичуринское учение в биологии. «Научная дискуссия по вопросам биологии, — указывает В. М. Молотов, — была проведена под направляющим влиянием нашей партии. Руководящие идеи товарища Сталина и здесь сыграли решающую роль, открыв новые широкие перспективы в научной и практической работе» [1].

В борьбе с идеализмом в биологической науке передовые советские биологи черпают руководящие идеи в гениальных произведениях классиков марксизма-ленинизма. Положение марксистского философского материализма о познаваемости мира и его закономерностей, о достоверности наших знаний является тем исходным принципом, руководствуясь которым биологи-мичуринцы успешно

---

[1] В. М. Молотов. 31-ая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 20. Госполитиздат. 1948.

познают ранее считавшиеся непознаваемыми причины изменения наследственности.

Советские биологи-мичуринцы не только успешно раскрывают закономерности живой природы, но и направленно, в определенные сроки создают новые сорта растений и породы животных. Так, например, благодаря теории стадийного развития, созданной академиком Лысенко, и учению о направленной изменчивости наследственности стало возможным превращать яровые виды растений в озимые и, наоборот, озимые виды растений — в яровые, один вид пшеницы — в другой вид, создавать новые виды. А что мы сами можем сделать, говорил еще Энгельс, то уж, конечно, мы не можем назвать непознаваемым.

Огромные достижения мичуринской биологической науки, вскрывающей закономерности развития живой природы и устанавливающей характер наследственных изменений и их зависимость от внешних условий жизни организмов, являются ярким доказательством великой силы науки и опровержением агностицизма вейсманистов-морганистов.

Сам прогресс науки, «развитие коллективных знаний всего человечества, — говорил Ленин, — на каждом шагу показывает нам превращение непознанной «вещи в себе» в познанную «вещь для нас», превращение слепой, непознанной необходимости, «необходимости в себе», в познанную «необходимость для нас» [1].

Познание как процесс отражения материального мира в сознании людей

В основе теории познания диалектического материализма лежит признание материального внешнего мира и отражение его в человеческой голове. Материя, природа, внешний мир есть источник всех наших знаний, наших ощущений, представлений, понятий, а ощущения, представления и понятия являются, с точки зрения марксистского философского материализма, снимками, копиями объективных вещей.

Но если наши ощущения, наше сознание есть образ внешнего мира, то отсюда понятно само собой, говорит Ленин, что отображение не может существовать без отображаемого, но отображаемое существует независимо от отображения.

В противоположность идеалистическим теориям познания марксистский философский материализм учит, что познание возможно только благодаря воздействию внешних условий, предметов на наше сознание. Только внешние условия могут вызывать у человека представления и понятия как об отдельных предметах, так и об окружающей его действительности в целом.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 176—177.

«...Каким образом, — спрашивает товарищ Сталин, — рождаются в нашей голове в настоящее время различные представления и идеи? Существуют ли в действительности так называемые внешние условия, или же существуют только наши представления об этих внешних условиях? И если существуют внешние условия, то в какой мере возможно их восприятие и познание?

По этому поводу, — пишет далее товарищ Сталин, — материалистическая теория говорит, что наши представления, наше «я» существует лишь постольку, поскольку существуют внешние условия, вызывающие впечатления в нашем «я» [1].

Без существования объективных предметов, внешних условий не могут возникнуть в сознании человека представления и понятия о них. Материя, предметы и явления, действуя на наши органы чувств, производят в нас ощущения и представления. Классики марксизма-ленинизма раскрыли неразрывную связь, единство между первой и второй сторонами основного вопроса философии, показав, что не только в истории развития природы и общества, но и в процессе познания сознание — вторично, а материя, внешние условия — первичны. Внешние предметы предшествуют нашим представлениям и понятиям об этих предметах так же, как материальная природа в своем развитии предшествовала появлению человеческого сознания.

«И в данном случае (т. е. в познании. — **А. В.**), — пишет товарищ Сталин, — предмет, находящийся вне нас, предшествовал нашему представлению об этом предмете, и в данном случае наше представление, форма, отстает от предмета — от своего содержания. Если я смотрю на дерево и вижу его, — это означает лишь то, что еще до того, как в моей голове родилось представление о дереве, существовало само дерево, которое вызвало у меня соответствующее представление...» [2]. В этих словах с полной ясностью выражено существо материалистической теории познания, теории отражения. Вне нас и независимо от нас существуют предметы, вещи, явления. Наши восприятия, представления суть образы существующих вне нас предметов, вещей.

Таким образом, без воздействия предметов на наше сознание никакое знание внешнего мира невозможно и, наоборот, «восприятие и познание возможно тем легче, чем чаще и сильнее они (предметы. — **А. В.**) будут воздействовать на наше сознание» [3].

Но если наши ощущения, представления и понятия суть результат воздействия материального мира на наши органы чувств, на наше сознание, то отсюда ясно, что они соответствуют предметам материального мира, являются приблизительно верными их от-

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 318.
[2] Там же, стр. 319.
[3] Там же.

ражениями. Точка зрения марксистского философского материализма на соотношение образа и предмета, субъективного и объективного в познании, коренным образом отличается как от кантианского, так и от махистского взгляда на ощущения и предметы. Кантианцы, проводя принципиальную грань между ощущениями, представлениями и предметами, сводят образы, ощущения, представления и идеи к знакам, символам, которые не имеют, как говорят сами кантианцы, ничего общего, ничего сходного с предметами. Предметы у кантианцев остаются совершенно недоступными для познания, отражения.

В работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин подверг критике разновидность кантианского агностицизма, так называемую «теорию иероглифов», по которой ощущения и представления человека являются не копиями действительных вещей и процессов природы, не изображениями их, а условными знаками, символами, иероглифами. Крупный представитель этой теории, известный естествоиспытатель Гельмгольц, исследуя орган зрения и его функции и устанавливая неспособность глаза воспринимать, например, многие лучи солнца, ложно утверждал, что будто зрительные ощущения, как и все другие, не дают нам правильного представления о внешних предметах, что поэтому ощущения и представления не могут быть не чем иным, как символами, условными обозначениями внешних предметов, не имеющими никакого сходства с самими предметами.

Гельмгольц вслед за Кантом проводил принципиальную грань между явлением и «вещью в себе», разрывал сознание и природу, считая, что внешний мир хотя и существует, но он недоступен нашему познанию, так как наши органы чувств дают нам неверные сведения о нем. Мы можем знать, по Гельмгольцу, только символы, знаки вещей, а не сами вещи, ибо знаки не имеют никакого сходства с тем, знаками чего они являются.

Критикуя агностицизм Гельмгольца, Ленин писал: «Если ощущения не суть образы вещей, а только знаки или символы, не имеющие «никакого сходства» с ними, то исходная материалистическая посылка Гельмгольца подрывается; подвергается некоторому сомнению существование внешних предметов, ибо знаки или символы вполне возможны по отношению к мнимым предметам, и всякий знает примеры таких знаков или символов».[1].

Кантианскую ошибку в трактовке ощущений допустил в свое время и Плеханов, который, например, в примечании к первому изданию своего перевода работы Энгельса «Людвиг Фейербах» писал, что наши ощущения — это своего рода иероглифы и что эти иероглифы не похожи на те события, которые ими передаются. Ленин вскрыл и раскритиковал эту явную ошибку Плеханова, ко-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 222.

торую пытались использовать русские махисты, в частности Базаров, в борьбе против материализма Маркса и Энгельса.

Критикуя теорию символов, Ленин показал принципиальную разницу между понятиями «образ» и «символ». Бесспорно, изображение, говорил Ленин, не может всецело совпадать с моделью, но одно дело изображение, другое дело символ, условный знак. Изображение необходимо и неизбежно предполагает объективную реальность предмета, который отображается, символ же этого совершенно не предполагает. Символ, иероглиф, указывает Ленин, суть понятия, вносящие совершенно ненужный элемент агностицизма.

Махисты превращают образы (ощущения) в вещи, совершенно уничтожая всякое различие между ними. Они, как известно, отождествляют образы вещей с самими вещами, считают, что наши ощущения являются не отражением объективной действительности, а самой действительностью. Наши чувственные представления, как заявлял махист Базаров, и есть вне нас существующая действительность. Проблема образа, отражения махистской философией снимается. Для махистов ощущение и предмет суть одно и то же.

Махисты и кантианцы, несмотря на свое внешнее различие, сводят ощущения и представления к чисто субъективным формам познания, отрицают тем самым их объективное содержание, отрицают то, что в наших ощущениях и понятиях отражается объективный, вне нас существующий мир.

Марксистский философский материализм в противоположность махистам и кантианцам исходит из признания того, что между образами (ощущениями, представлениями) и предметами есть сходство, совпадение и в то же время — различие. Сходство в том, что идеальное, как говорил Маркс, представляет собой не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней; ощущения, понятия содержат в себе в переработанном виде материальное, они поэтому объективны по своему содержанию; ощущения, представления, понятия отражают вне нас существующие предметы, потому они сходны с последними, имеют нечто общее с ними, иначе ощущения и представления не были бы образами вещей, предметов, материального мира. Но вместе с тем образы отличаются от предметов, которые они отображают. Уже само понятие «образ» указывает на то, что образ вторичен по отношению к предмету, не тождествен ему. Образы (ощущения, представления) есть нечто идеальное, субъективное в том смысле, что они не могут существовать вне сознания, что носителем познавательного образа является человек, субъект. В этой связи Ленин говорит, что ощущение есть субъективный образ объективного мира.

Называя ощущения, представления образами, снимками, копиями вещей, предметов в нашем мозгу, марксистский философский материализм учит, что познавательные образы, снимки, копии нельзя сводить к физическим образам или снимкам, к механическим отпечаткам предметов в нашей голове. Ощущения, представления, понятия, будучи образами объективного мира, не являются чем-то мертвым, застывшим, неизменным, как, скажем, фотоснимки, а представляют собой лишь моменты процесса познания предметов, не совпадающие целиком и абсолютно с ними.

Марксистский философский материализм учит рассматривать познание как диалектический процесс отражения материального мира в нашем сознании, как процесс углубления наших знаний о действительности. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм», критикуя метафизический взгляд на познание, пишет: «В теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из незнания является знание, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным» [1].

Ленин рассматривает познание как отражение объективного мира в сознании людей, а самое отражение — как особый, весьма сложный процесс. Познание, говорит Ленин, есть отражение человеком природы. Но это не простое, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, образования понятий, законов и т. д. Познание нельзя представлять, как это делают метафизики, без движения, без развития.

«Познание, — писал Ленин, — есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту. *Отражение* природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», *не без движения,* не БЕЗ ПРОТИВОРЕЧИЙ, а в вечном ПРОЦЕССЕ движения, возникновения противоречий и разрешения их» [2].

Противоречивость процесса познания заключается в том, что в своем стремлении познать предмет глубже, полнее ученые накапливают все новые и новые фактические данные, которые не укладываются в рамки старых теорий, понятий и приходят в противоречие со старыми представлениями, понятиями о предмете. Но возникшие в процессе познания противоречия между новыми фактическими данными и старыми теориями преодолеваются тем, что старые теории, представления о предмете заменяются новыми, более совершенными теориями, соответствующими новым фактам. Так, например, к концу XIX века физика в процессе своего развития накопила огромный новый материал о строении материи, ко-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 91.
[2] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 168.

торый никак не укладывался в рамки ранее установленных представлений о структуре материи.

Открытие мельчайших частиц атома — электронов — прямо противоречило старому учению об атоме как неделимой частице материи, обладающей раз навсегда данными и неизменными свойствами. Это противоречие привело к появлению новой, электронной теории материи, соответствующей новым фактическим данным физики. Таким образом, постоянное возникновение противоречий между новыми фактами и старыми теориями и разрешение их путем замены старых теорий, представлений новыми научными теориями и представлениями служит источником развития познания человеком явлений материального мира.

Классики марксизма-ленинизма, отвергая метафизический взгляд на познание как на неизменное, раз навсегда данное, абсолютное, показали в своих трудах, что процесс развития познания идет поступательно, по восходящей линии, от низшего к высшему, что познание есть исторический процесс углубления наших знаний от явления к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности.

Сложность процесса познания, процесса отражения материального мира и его закономерностей в сознании человека обусловлена главным образом тем, что форма проявления и сущность вещей не совпадают.

Маркс указывал, что если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишней. Материальный мир прежде всего предстает перед нами как многообразие отдельных явлений, легко доступных нашему созерцанию, наблюдению. И если бы познание сводилось только к простому созерцанию внешних явлений, то мы ничего не могли бы узнать о законах развития материального мира. Поэтому задача познания состоит в том, чтобы от наблюдения явлений действительности перейти к раскрытию их сущности.

Открытие сущности в непосредственных явлениях — таков общий ход всего человеческого познания (всей науки) вообще. Например, чтобы познать законы явлений наследственности, недостаточно одних лишь внешних, поверхностных наблюдений, — для этого необходимо проникнуть в сущность явления наследственности, познать ее.

Из внешних, поверхностных наблюдений явлений наследственности мы узнаем только воспроизведение живыми организмами себе подобных, но более глубокого понимания явления наследственности мы не получаем. Воспроизведение себе подобных есть общая характерная черта любого живого тела.

Под наследственностью мичуринская биология понимает свойство живого тела требовать определенных условий для своей жизни и определенно реагировать на те или иные условия.

Чтобы раскрыть в явлении наследственности ее сущность, необходимо изучить отношение организма к условиям внешней среды.

Разные живые тела, говорит академик Лысенко, требуют разных условий внешней среды, поэтому мы и знаем, что у них разная природа, разная наследственность. Знание же внешних условий, требуемых живым телом, и выявление отношения живого тела к этим внешним условиям — это и будет изучение, раскрытие сущности наследственности. Так, например, при изучении причин невыколашивания озимых хлебов при весеннем посеве академик Лысенко выявил, что причиной этого является отсутствие длительного периода пониженной температуры (0—10° тепла), требуемой озимыми растениями для прохождения процесса яровизации, что задерживает процесс яровизации, а отсюда и все дальнейшее развитие растения и приводит к невыколашиванию озимых хлебов. Раскрытие сущности стадии яровизации дало возможность любые озимые хлебные злаки при весеннем посеве заставлять выколашиваться, плодоносить. Для этого еще до посева в поле увлажненные семена выдерживают (яровизуют) определенное время при относительно пониженной температуре.

Великая заслуга передовых советских биологов-мичуринцев в том и состоит, что они, глубоко проникая в сущность явлений наследственности, на деле доказали, как знание природных требований и отношения организма к условиям внешней среды дает возможность управлять жизнью и развитием организма, направленно изменять его наследственность.

Сущность и явление, как учит диалектический материализм, находятся в неразрывном единстве. Между ними нет никакой непроходимой грани. Они суть две стороны одной и той же действительности и не существуют друг без друга. «Сущность является. Явление существенно», — говорит Ленин в «Философских тетрадях». Сущность проявляет, обнаруживает себя только в форме явлений. Явление же есть обнаружение сущности. Следовательно, явление невозможно без сущности, так же как и сущность невозможна без явления.

Но если явление есть форма обнаружения сущности, то отсюда следует, что познание сущности возможно только через познание явлений. Так, например, физики, изучая многообразие звуков, выяснили, что сущность их заключается в колебаниях звуковых волн и что различие в явлениях звука объясняется различной частотой колебаний звуковых волн.

Подчеркивая неразрывное единство сущности и явления, диалектический материализм вместе с тем указывает, что сущность и явление представляют собой не только единство, но и противоположности, поэтому их нельзя отождествлять. Сущность есть внутренняя основа предметов, скрытая в них и недоступная непосредственному созерцанию, тогда как явление есть внешняя

сторона предмета, доступная непосредственному восприятию. Одна и та же сущность может проявляться в нескольких различных формах. Так, сущность государства одного и того же типа проявляется в различных формах. Например, сущность буржуазного государства — диктатура буржуазии — проявляется в форме конституционной монархии, в форме парламентарной республики и т. п., причем формы проявления сущности не совпадают непосредственно с самой сущностью. Буржуазная парламентарная республика не всегда выявляет свою истинную сущность; напротив, она создает видимость того, будто власть принадлежит не одной буржуазии, а всему народу. Если взять заработную плату рабочих в условиях капитализма, то она не только не совпадает непосредственно с сущностью, но выражает свою сущность в превратном, извращенном виде. На поверхности капиталистического общества заработная плата выступает как форма «стоимости» и «цены» труда, хотя в действительности она представляет собой превращенную форму стоимости и цены рабочей силы. Являясь превращенной формой стоимости рабочей силы, заработная плата скрывает истинные отношения между капиталистами и рабочими — отношения, основанные на эксплуатации последних первыми, — и создает видимость, будто при капитализме весь труд рабочего (необходимый и прибавочный) является оплаченным трудом.

Гениальность Маркса состоит в том, что он не ограничился непосредственным созерцанием внешних, видимых явлений капитализма, как это делали буржуазные ученые, а глубоко проник в их сущность, открыл в явлениях капитализма их внутренние законы. Там, где буржуазные экономисты видели отношение вещей (обмен товара на товар), там, говорит Ленин, Маркс вскрыл отношение между людьми. Идя от внешних явлений капиталистического производства к познанию их сущности, Маркс открыл основной закон капитализма: прибавочную стоимость, создаваемую трудом рабочего для капиталиста (закон и сущность, как указывает Ленин, понятия однородные, однопорядковые, выражающие углубление познания человеком явлений материального мира).

Таким образом, отражение материального мира в сознании человека есть сложный процесс углубления познания от явления к сущности, от внешнего к внутреннему.

Непосредственное живое созерцание — начальная ступень познания

Путь познания и его основные моменты, ступени с предельной четкостью и ясностью сформулированы Лениным в «Философских тетрадях». Ленин пишет: «От живого созерцания к абстрактному

мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины,* познания объективной реальности»[1]. Это ленинское положение — результат глубокого и всестороннего обобщения исторического развития познания человеком материального мира. Многовековой опыт науки показывает, что всякое познание в любой отрасли науки начинается с живого созерцания, с ощущений, чувственных восприятий, но оно не останавливается на этом, а идет дальше, к абстрактному мышлению, к теоретическим обобщениям данных, полученных в результате чувственных восприятий. Теоретические обобщения в виде понятий, законов, проверенные опытом, практикой, становятся затем достоверными знаниями, имеющими значение объективных истин.

Живое чувственное созерцание и абстрактное мышление — это две качественно различные и в то же время взаимосвязанные ступени единого процесса познания. Абстрактное мышление зависит от живого чувственного созерцания, вытекает из него, а живое чувственное созерцание в процессе практики закономерно перерастает в абстрактное мышление. Этого не понимали все философы до Маркса и Энгельса.

Серьезным недостатком домарксовской философии было то, что она неправильно рассматривала вопрос о соотношении между чувственным и разумным моментами познания. Философы до Маркса и Энгельса не только разрывали чувственное и рациональное познание, но и противопоставляли их друг другу. В решении вопроса о роли чувственного и рационального моментов в процессе познания в домарксовской философии сложились два крайних течения — эмпиризм и рационализм.

Представители эмпиризма считали, что только чувственное познание, познание, основанное на опыте, на показаниях органов чувств, дает нам верное представление о предметах внешнего мира. Представители рационализма, наоборот, утверждали, что эмпирическое познание не только не дает нам верное представление о предметах, но оно часто служит причиной заблуждения в познании истины. Единственным источником и критерием истинного познания, с точки зрения рационалистов, является разум, абстрактное мышление.

Эмпирики и рационалисты исходили из одностороннего и прямо противоположного понимания процесса познания. Эмпирики, сводя познание к опыту, преувеличивая роль чувственного познания, с недоверием, а иногда и прямо с презрением относились к теоретическому мышлению; рационалисты превозносили отвлеченное мышление, принижая роль чувственного познания. Как эмпирики, так и рационалисты были далеки от правильного понимания процесса по-

---

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 146—147.

знания, в котором чувственный и рациональный моменты одинаково необходимы.

Классики марксизма-ленинизма подвергли резкой критике как рационализм, так и эмпиризм. Рационалисты, отвергая роль чувственного познания, неизбежно становятся в вопросах познания на позиции идеализма. Эмпирики, пренебрежительно относясь к теоретическому мышлению, не могут познать сущности вещей. Исключительный эмпиризм, говорил Энгельс, хотя и воображает себе, будто он оперирует только бесспорными фактами, на деле же он не в состоянии изображать правильно факты. Только диалектический материализм дает верное, научно обоснованное решение вопроса о соотношении чувственного и разумного моментов в познании, подчеркивая их нераздельное диалектическое единство и то, что основой этого единства является практика.

Чувственное познание, живое созерцание представляет собой первую ступень познания, без которой невозможно абстрактное мышление. Чувственное познание — это не пассивное, не бездеятельное созерцание, как понимали его старые материалисты, в том числе Фейербах, а именно живое, деятельное созерцание, основанное на практике, связанной с изменением предметов и явлений внешнего мира. Живое созерцание — это непосредственное познание явлений окружающей нас действительности, а непосредственное познание явлений невозможно без практики, без активной практической деятельности познающего человека.

Только в процессе общественной практики люди, непосредственно соприкасаясь с предметами и явлениями внешнего мира, приходят к познанию отдельных предметов и явлений, их внешних связей, а затем, на базе этого познания, они вскрывают внутренние связи между ними, познают законы их развития.

Чувственное познание — это первая ступень познания, потому что только через посредство органов чувств (зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса) внешний мир проникает в наше сознание, и мы узнаем о предметах и явлениях внешнего мира. Внешние предметы и явления, воздействуя на наши органы чувств, вызывают ощущения, восприятия и представления. В ощущениях, восприятиях, представлениях отражаются вне нас существующие предметы, их свойства, качества, отношения. Ощущения, говорит Ленин, есть источник всех наших знаний о мире. Ощущения, восприятия и представления являются базой абстрактного мышления. Без них невозможны понятия и суждения о явлениях внешнего мира. Мысленные отображения материального мира в форме понятий, суждений, умозаключений возникают не иначе, как из ощущений, восприятий и представлений.

Мысли людей возникают на базе чувственного познания. Оголенных мыслей, не связанных с чувственным материалом, не существует.

Говоря о возникновении мыслей у глухонемых, И. В. Сталин пишет: «Мысли глухонемых возникают и могут существовать лишь на базе тех образов, восприятий, представлений, которые складываются у них в быту о предметах внешнего мира и их отношениях между собой благодаря чувствам зрения, осязания, вкуса, обоняния. Вне этих образов, восприятий, представлений мысль пуста, лишена какого бы то ни было содержания, т. е. она не существует» [1].

Из этого положения И. В. Сталина вовсе не следует, будто чувственное познание является базой для возникновения мыслей только у глухонемых. Ощущения, восприятия, представления, порожденные действием вещей внешнего мира на наши органы чувств, представляют собой базу для мыслительного процесса всех людей. Однако у людей, имеющих слух и владеющих языком, эта база значительно шире, чем у глухонемых.

У людей, владеющих языком, мысли связаны не только с чувственными данными, но и с языковым материалом, тогда как мысли глухонемых возникают и существуют исключительно на базе чувственных образов, восприятий, представлений, т. е. они наглядно образны. Поэтому люди, владеющие языком, располагают гораздо большими возможностями абстрактного мышления, обобщения чувственных данных в виде понятий, чем глухонемые, не владеющие речью, возможность абстрактного мышления которых весьма ограничена. Люди, глухонемые от рождения, не могут составить себе правильное представление о звуковой речи, о музыке, о звуках вообще, так же как и слепые от рождения не имеют правильного представления о свете и цветах.

Марксистский философский материализм подчеркивает огромную роль ощущений, восприятий и представлений человека в процессе познания внешнего мира. При помощи органов чувств мы ощущаем и воспринимаем предметы, узнаем их свойства, их признаки, их различия. Например, при помощи зрения мы воспринимаем цвет, форму и величину предмета. Осязание позволяет нам знать такие свойства предметов объективного мира, как твердость, упругость, гладкость, шероховатость и т. д. С помощью слуха мы воспринимаем звуковую речь, музыкальные звуки, различаем основные свойства звука (громкость, высоту, тембр), ощущаем различные шумы. Слух является величайшим орудием познания объективной действительности, особенно у слепых. При помощи слуховых ощущений (так же как и осязательных) слепые научаются не только ориентироваться в окружающей их действительности, но и познавать предметы, различать их свойства.

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 47. Госполитиздат. 1950.

Немалую роль в познании предметов внешнего мира играют обонятельные и вкусовые ощущения. Обоняние дает нам возможность познавать пахучие вещества, улавливать самые тончайшие различия между ними. С помощью вкусовых ощущений люди узнают основные качества вкусовых веществ (соленое, кислое, сладкое, горькое), определяют пригодность к употреблению продуктов питания.

Таким образом, различные органы чувств (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) приспособлены к ощущению лишь некоторых и притом определенных признаков, свойств, сторон предмета. Так, например, невозможно посредством слуха ощущать цвет предмета и, наоборот, с помощью зрения воспринимать звук.

Различие ощущений обусловлено разнообразием свойств вне нас существующих предметов. Каждый предмет материального мира имеет не одно, а несколько свойств.

В ощущениях отражаются различные свойства внешних предметов. Познание отдельных свойств, сторон предметов является первым, начальным, но весьма важным моментом познания, так как без познания отдельных свойств невозможно познать предмет в целом.

Ощущения, в которых отражаются отдельные свойства предмета, служат необходимой основой для более сложного процесса познания — восприятий. Восприятия, как и ощущения, принадлежат к чувственному познанию. Они возникают из различных ощущений и подобно последним представляют собой непосредственную связь нашего сознания с внешним миром. Восприятие предмета включает в себя ощущения, но оно является более сложной формой познания действительности, качественно отличной от ощущений, которые входят в него. В отличие от ощущений, которые дают нам лишь образы единичных признаков и свойств предметов, восприятия дают образ предметов в целом. В восприятии различные ощущения не изолированы друг от друга, а органически связаны, объединены в целостный образ.

Особенность восприятия отражать предмет в целом обусловлена не сознанием познающего субъекта, а природой самого объективно существующего предмета, в котором различные признаки находятся в неразрывном единстве. Из ощущений различных признаков предмета создается образ предмета в целом. Так, например, апельсин характеризуется внешне следующими объективными признаками: шарообразной формой, бороздчатой поверхностью, оранжевым цветом, известной величиной, известным весом и определенным запахом. Эти различные признаки апельсина вызывают у нас различные, соответствующие указанным признакам ощущения. С помощью зрения мы ощущаем форму, цвет, величину апельсина, осязающая рука дает нам ощущения формы, свойства поверхности, мышечное чувство — веса, обоняние — запаха. Но так как

различные признаки апельсина не существуют обособленно друг от друга, а являются лишь признаками единого, целостного предмета, то и наше восприятие апельсина не может быть сведено к отдельным ощущениям его признаков, а представляет собой целостный образ, в котором различные ощущения (формы, цвета, запаха и т. д.) даны в органическом единстве.

Чувственное восприятие является, таким образом, обобщением ощущений отдельных свойств и признаков предмета в цельный образ, причем в восприятии до нашего сознания доходят не все многочисленные ощущения, которые мы получаем от предметов, а лишь наиболее яркие, отражающие те признаки и свойства предмета, которые имеют какое-либо значение для нашей деятельности или интересуют нас больше, чем другие.

Восприятие хотя и содержит элементы обобщения, все же не выходит за пределы чувственного познания. Оно отражает лишь отдельные предметы. Возникающий в процессе восприятия образ имеет предметный характер, т. е. он относится к определенному предмету. Чувственные восприятия человека включают в себя определенное понимание или осмысливание образа, распознавание предмета через его образ. Но само мышление в процессе чувственного восприятия носит предметный характер, т. е. человек вначале мыслит единичными предметами. Не случайно Сеченов назвал ощущения и восприятия предметным мышлением.

Для предметного мышления или восприятия характерно выделение предмета из бесчисленного количества других предметов, обособление воспринимаемого предмета от других с тем, чтобы сделать восприятие его более отчетливым, ясным. Но, отражая единичный предмет и отграничивая его от других предметов, чувственное восприятие отражает в известной степени и общее в предметах, внешние связи предметов.

В процессе ощущений и восприятий предметов и их свойств возникают простейшие элементы обобщения чувственных данных в форме представлений. Представления возникают из чувственных восприятий, но они в отличие от восприятий непосредственно не связаны с чувственными предметами.

Ощущение и восприятие, как говорил Ленин, есть действительно непосредственная связь сознания с внешним миром. Они возникают лишь тогда, когда органы чувств испытывают толчок извне от тех или иных предметов, и исчезают, когда устраняется возможность воздействия предмета на наши органы чувств. Но если ощущения и восприятия невозможны без непосредственного воздействия предметов на органы чувств человека, то представления возможны без непосредственного восприятия предметов. Представления возникают на основе прошлых восприятий предмета, образ которого сохранился в памяти человека. Например, кто видел Колонный зал Дома Союзов, Спасскую башню Московского Кремля,

тот воспроизводит их образы и тогда, когда непосредственно не воспринимает их. Следовательно, представления — это воспроизведенный образ предмета, который когда-то непосредственно воспринимался нами. Но представления не ограничиваются этим. В своих представлениях человек может выходить за пределы прошлых и данных восприятий; он может на основе их представить и то, что будет создано в будущем практической деятельностью людей.

В представлениях, в отличие от ощущений и восприятий, отражаются более характерные признаки, черты предмета, которые имеют особое значение для той или иной деятельности людей. Например, художники имеют яркие представления цветов, архитекторы — четкое представление форм, у музыкантов сильно развито слуховое представление мелодии и ритма. Сопоставляя, сравнивая предметы в представлении, мы отвлекаемся от отдельных, менее существенных для нас признаков предмета, выделяем некоторые общие признаки и черты. Этим представление делает шаг по пути к абстрактному мышлению. Но представления, будучи простейшей формой обобщения чувственных данных, сами еще остаются чувственным наглядным образом предмета и поэтому относятся к чувственному познанию. Представления неспособны раскрыть внутреннюю сущность явлений, отражать законы развития материального мира. Это достигается лишь тогда, когда к чувственному познанию присоединяется теоретическое мышление. Но это отнюдь не умаляет той огромной роли, которую играют чувственные восприятия и представления в процессе познания.

Чувственное познание (ощущения, восприятия, представления) составляет основу для теоретического познания. Чувственность, указывал Маркс, является основой всякой науки. Для того чтобы стало возможным теоретическое мышление, научное обобщение, знание внутренних законов вещей, необходимо прежде всего уметь различать предметы друг от друга, узнавать их и различать в предметах их свойства, а все это дается чувственным познанием.

Считая чувственное познание первой ступенью, основой всех наших знаний о мире, марксистский философский материализм вместе с тем разоблачает тех идеалистов, которые, признав ощущения и восприятия за источник познания, отрицают объективную реальность как основу человеческих ощущений. Все знания из ощущений, из восприятий. Это так, говорит Ленин, но спрашивается, является ли источником восприятия объективная реальность? Махисты, например, исходным в познании считали ощущения, восприятия, но они отрицали объективную реальность, которая дана нам в ощущениях, сводили объективно существующие предметы к комплексам ощущений.

В противоположность махистам Ленин со всей силой подчеркивал, что вещи существуют вне наших ощущений, восприятий, пред-

ставлений. Чувственное представление, говорил Ленин, не есть существующая вне нас действительность, как это заявлял махист Базаров, — оно является субъективным образом объективной действительности.

«Основное отличие материалиста от сторонника идеалистической философии, — писал Ленин, — состоит в том, что ощущение, восприятие, представление и вообще сознание человека принимается за образ объективной реальности» [1].

Марксистско-ленинская теория отражения признает источником познания объективную, вне нас существующую реальность, считая ощущения, восприятия, представления формами отражения этой объективной реальности. Ощущения, восприятия и представления возникают в результате воздействия объективно, вне нас существующих вещей на наши органы чувств и являются субъективными образами объективного мира. Они субъективны лишь в том смысле, что представляют собой функцию центральной нервной системы человека, что, будучи образами внешнего мира, существуют только в нас, но они объективны по своему содержанию, так как в них отражается объективный, вне нас существующий мир.

Между восприятием и представлением предмета и самим предметом есть сходство и различие.

Говоря о различии между представлениями и предметами, Ленин писал: «Предметы наших представлений отличаются от наших представлений, вещь в себе отличается от вещи для нас, ибо последняя — только часть или одна сторона первой, как сам человек — лишь одна частичка отражаемой в его представлениях природы» [2].

В этих, имеющих глубокий смысл словах Ленина подчеркивается не только различие между представлениями о предметах и самими предметами, но и сходство, так как человек, будучи частью природы, верно отражает ее в своих представлениях.

Человек — продукт природы и общества; он развивался и совершенствовался в окружающей его среде и вместе с ней. Отсюда, указывает Энгельс, уже само собой следует, что порождения человеческого мозга (ощущения, восприятия, сознание), являющиеся в конечном счете тоже продуктами природы, не противоречат, а согласуются со всей остальной природой. Это значит, что между нашими ощущениями и восприятиями как субъективными образами и объективными предметами есть сходство, совпадение. Чувственные восприятия, несмотря на субъективный момент, обусловленный своеобразием строения органов чувств, являются образами внешнего мира, верными его отражениями.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 254.
[2] Там же, стр. 106.

Чувственный образ предмета, как правильно указывал еще Сеченов, является промежуточным звеном между внешним предметом и сознанием. «Когда человек, — писал Сеченов, — получает зрительное впечатление, то соединительным звеном между неизвестным по виду внешним предметом и его образом в сознании всегда является изображение внешнего предмета на дне глаза, на т. наз. сетчатой оболочке. Это промежуточное звено и есть тот переходный мост, которого мы искали. Связь его с внешним предметом.. чисто физическая и вполне соответствует случаю построения образа на экране посредством двояковыпуклой чечевицы, потому что и в глазу изображение на сетчатке строится (главным образом) т. наз. хрусталиком, телом, имеющим форму двояковыпуклого стекла. Кроме того, физик утверждает, что внешний предмет и его образ, построенный чечевицей, сходны между собою; а вслед за ним и физиолог, по аналогии, утверждает то же самое относительно внешнего предмета и его образа на сетчатке... Наблюдая внешний предмет и его образ (на экране и сетчатке), оба получают от двух вещей два сходных между собою чувственных знака; а такому сходству, по закону строгого соответствия между представляемым и действительным, должно соответствовать сходство действительное. Значит, факт сходства неизвестного внешнего предмета с его образом на сетчатке не подлежит сомнению. Но между последним и сознаваемым образом (т. е. впечатлением!), как учит физиология, опять сходство. — Треугольник, круг, серп луны, оконная рама и т. п. на сетчатке чувствуются и сознанием, как треугольник, круг, серп луны и т. д... Словом, в отношении образов на сетчатке сознание является не менее верным зеркалом, чем сетчатка с преломляющими средами глаза в отношении внешнего предмета» [1].

Таким образом, не только человеческий глаз, но и сознание человека воспроизводит действительность верно.

Ощущения, восприятия и представления дают нам объективно верное отражение предметов внешнего мира. Человек, говорит Ленин, не мог бы биологически приспособиться к среде, если бы его ощущения не давали ему объективно правильного представления о ней. Но человек тем более не мог бы активно воздействовать на внешний мир, изменять его, если бы ощущения и восприятия не давали ему объективно правильного представления о нем.

Наши ощущения и восприятия верно отражают материальный мир, но не полностью, в них содержатся некоторые субъективные моменты, связанные главным образом с устройством органов чувств. Так, например, зрительные ощущения и восприятия зависят не только от световых волн, но и от строения глаза, в частности сетчатки. Устройство нашего глаза позволяет ему ощущать и воспринимать не все, а только определенной длины и частоты колебания,

[1] И. М. Сеченов. Избранные философские и психологические произведения, стр. 332—333. Госполитиздат. 1947.

световые волны (в пределах 390—800 миллимикронов). Наш глаз не видит и не различает всей лучистой энергии солнца, а воспринимает только часть ее. Но это обстоятельство, связанное с специальным устройством человеческого глаза, объективно необходимо для человеческого глаза. «...Глаз, который видел бы все лучи, именно поэтому не видел бы ничего...» [1], — говорил Энгельс. Марксистская философия учит, что чувственные знания дополняются деятельностью мышления.

Субъективный момент зрительных ощущений и восприятий вызывается иногда слепящим действием света в виде крайнего переразражения глаза. В случае попадания на сетчатку очень яркого света (при взгляде на солнце, особенно во время солнечных затмений) получается субъективный эффект ослепления («красновидение»), после чего человек видит все светлые предметы в пурпурно-красном цвете, а темные — в зеленоватом.

О субъективных моментах зрительных ощущений свидетельствуют и так называемые «ореолы», видимые в темноте вокруг ярких источников света. Ореолы имеют субъективный характер и возникают благодаря светорассеянию у нас в глазе. Субъективность их доказана тем, что при экранировании светящихся источников исчезают окружающие их ореолы.

Субъективные моменты присущи не только зрительным ощущениям, но и всем другим. Например, наш слух приспособлен к ощущению и восприятию определенных звуковых волн. Пределы слышания для человека лежат между 16—20 тыс. колебаний в секунду. Мы не слышим множества очень незначительных шумов. Это указывает, что слух передает действительность лишь относительно полно.

Тем не менее слух, как и зрение, верно воспроизводит предметы внешнего мира. «Нет ни одного факта, — пишет Энгельс, — насколько нам известно до настоящего времени, когда мы были бы вынуждены притти к заключению, что наши научно контролируемые чувственные восприятия создают в нашем мозгу такие представления о внешнем мире, которые по своей природе отклоняются от действительности, или что между внешним миром и нашими чувственными восприятиями этого мира существует врожденное несоответствие» [2].

Ощущения, восприятия и представления человека нельзя рассматривать как нечто застывшее. Они развиваются и усовершенствуются вместе с развитием и усовершенствованием органов чувств человека на основе общественно-исторической практики. В отличие от фейербаховского абстрактно-созерцательного понимания чувственности человека марксистский философский материализм рас-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 493.
[2] К. Маркс. Избранные произведения, т. I, стр. 308—309, Изд. 1935.

сматривает чувственное познание как живое созерцание, основанное на практической деятельности человека. Фейербах, указывает Маркс, понимает чувственность не как практическую человечески-чувственную деятельность, а как нечто абстрактное, созерцательное, т. е. оторванное от практики.

В практической деятельности человек не просто созерцает предметы, но активно воздействует на них.

В процессе производства человек изменяет окружающий его чувственный мир таким образом, что многие чувственные предметы этого мира оказываются продуктом промышленности, общественной практики людей. Создание человеком в процессе производства новых предметов, чувственных объектов, с необходимостью порождало новые формы восприятия. В трудовой, производственной деятельности человек совершенствовал свои органы чувств, все более правильно познавал предметы и их свойства. Практическое изменение предметов обеспечивает человеку верное восприятие их. В практической деятельности он приводит восприятия в соответствие с предметом, устанавливает сходство ощущений и восприятий с воспринимаемыми им в процессе труда предметами. Практическое изменение предметов человеком показывает, что он верно отражает в своих ощущениях и восприятиях эти предметы, иначе человек не мог бы не только изменять предметы, но и биологически приспособиться к внешней среде.

Практика показывает, что чувственное восприятие проявляется с различной силой. В зависимости от деятельности человека и упражнения в связи с этим органов чувств чувствительность последних может повышаться, становиться острее. Так, например, у дегустаторов в результате тренировки вырабатывается исключительная тонкость вкусовых ощущений, дающих им возможность различать оттенки вкусов гораздо более тонко, чем лицам, не упражнявшимся в этой области. Огромной остроты в результате специального упражнения достигает, например, осязательная чувствительность пальцев у слепых, выучивающихся без затруднения читать буквы, даваемые небольшими точечными выпуклостями на бумаге. С помощью упражнений можно повысить чувствительность к восприятию формы предметов, различий яркостей, высоты звуков и т. д.[1]. Таким образом, на остроту восприятий наших органов чувств нельзя смотреть, как на нечто неизменное.

Большое значение для чувственного познания имеет применение созданных человеком специальных приборов. Так, например, систематическое применение микроскопа в области биологического и физиологического исследования значительно ускорило развитие этих наук. Огромные знания, накопленные наукой о жизни (биологией),

---

[1] См. С. В. Кравков. Очерк общей психофизиологии органов чувств, стр. 67—69. Изд. 1946.

добыты в значительной части благодаря микроскопу, позволившему увидеть то, чего не видели раньше. Каждое новое увеличение силы микроскопа сопровождалось великими открытиями. При помощи микроскопа было изучено устройство органов живого тела, установлено клеточное строение организмов, открыто клеточное ядро, найдены различные возбудители болезней.

Многие явления природы, как, например, некоторые лучи солнечной энергии, непосредственно не воспринимаются нашими органами чувств. Но отсюда вовсе не следует, как полагали агностики, что эти явления непознаваемы.

«У муравьев, — писал Энгельс, — иные глаза, чем у нас, они видят химические (?) лучи... но мы в познании этих невидимых для нас лучей пошли значительно дальше, чем муравьи, а тот факт, что мы можем доказать, что муравьи видят вещи, которые для нас невидимы, и что доказательство этого основывается на восприятиях нашего глаза, показывает, что специальное устройство человеческого глаза не является абсолютной границей для человеческого познания» [1].

Из этого положения Энгельса со всей ясностью следует, что для изучения явлений природы, недоступных непосредственному чувственному восприятию, человек не нуждается в большем количестве органов чувств, чем он имеет. Эти явления познаются и улавливаются им с помощью приборов. Так, например, компас дает нам возможность улавливать и изучать магнитные явления, а сейсмограф — землетрясения.

Таким образом, практическая деятельность, развитие науки и техники дают возможность человеку безгранично расширять пределы чувственного познания путем создания и применения в исследовании явлений природы различных приборов и аппаратов. Общественная практика, успехи науки полностью опровергают все измышления идеалистов, агностиков о якобы недостоверности чувственного познания.

Абстрактное мышление — высшая ступень познания

Познание объективного мира начинается с чувственного познания — с ощущений, восприятий и представлений. Живое чувственное созерцание дает нам знание о предметах внешнего мира, их свойствах, признаках. Но познание не может остановиться на этом. Чтобы раскрыть и познать внутреннюю закономерную связь воспринимаемых предметов внешнего мира, необходимо от непосредственного живого созерцания подняться к абстрактному мышлению.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 493.

Абстрактное мышление — высшая ступень процесса познания, дающая возможность расширить и углубить наше знание окружающей действительности.

Чувственное познание и абстрактное мышление, как учит марксистский философский материализм, взаимно связаны между собой. Чувственные данные о предметах, полученные в процессе практики при помощи ощущений, восприятий и представлений, приобретают свое полное истинное значение лишь при обобщении их в мышлении. Только при помощи абстрактного мышления предметы могут быть глубоко поняты, раскрыты в их сущности. В свою очередь теоретическое мышление становится возможным только благодаря чувственным данным. Ощущения и восприятия доставляют чувственный материал, необходимый для абстрактного мышления. Они являются источником всех наших знаний о мире. Только на основе достоверных чувственных восприятий, т. е. таких, которые дают объективно правильное представление о предметах, можно выработать правильные понятия о мире. Поэтому между чувственным познанием и абстрактным мышлением нет и не может быть абсолютной грани.

Чувственное восприятие предметов человеком, в отличие от восприятия животных, носит осмысленный характер. В нем содержится определенное, хотя еще и неглубокое, понимание предметов. Благодаря деятельности мышления человек уже на ступени чувственного познания воспринимает предметы не как абсолютно изолированные друг от друга, а в определенных, хотя и внешних, связях.

Абстрактное мышление как высшая, качественно новая ступень познания возникло из предыдущего, чувственного познания, в результате диалектического перехода «от ощущения к мысли...» [1]. Переход от ощущения к мысли, от живого чувственного созерцания к абстрактному мышлению представляет собой перелом, скачок в процессе познания. Этот скачок означает переход к новому качеству в познании объективного, вне нас существующего мира, переход от познания отдельных предметов к познанию внутренних связей между ними, к познанию законов их развития. Но это новое качество в познании не могло появиться без предварительного накопления количественных данных об отдельных предметах и их свойствах. Чтобы познать в явлениях их сущность, внутренние законы, нужно было раньше накопить необходимый для этого материал. Этот необходимый материал для абстрактного мышления накапливается в процессе ощущений и восприятий в виде чувственных данных и простейших элементов обобщения (представлений).

Познание природы началось, как отмечает Энгельс, с разложения ее на отдельные части, с изучения отдельных тел и их свойств, с разделения различных явлений и предметов природы на опреде-

---

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 264.

ленные группы, с анатомического исследования разнообразного внутреннего строения органических тел. Все это было необходимой предпосылкой, базой для теоретического мышления, для открытия взаимных внутренних связей явлений природы, — познания закономерностей ее развития. Без достаточного количественного накопления естественно-научного материала не могло возникнуть теоретическое мышление в форме общих понятий, категорий, законов и т. д.

Абстрактное мышление — продукт исторического развития человеческого общества. Оно возникло и развивалось на основе общественной практики людей. Люди, развивая свое материальное производство, изменяют вместе с условиями жизни, с общественными отношениями, с общественным бытием также свое мышление и продукты своего мышления (представления, понятия, идеи). В процессе производства материальных благ люди сперва научаются отделять предметы друг от друга, дают названия, имена отдельным предметам, а затем, в процессе дальнейшего развития многочисленных видов деятельности, они дают название целым классам этих предметов.

Благодаря развитию производства сознание людей все более и более проясняется, растет способность к абстрактному мышлению; сравнивая предметы друг с другом, люди открывают в них нечто общее, переносят название отдельных предметов на все предметы данного рода, образуя общие понятия, охватывающие целые группы предметов. При этом иногда название отдельного предмета служило выражением общего понятия для многих сходных предметов. Так, например, «слово соль, — говорит Маркс, — применялось у древних народов первоначально для поваренной соли, а впоследствии, со времени Плиния, сахар и т. п. тела фигурировали как разновидности соли»[1], т. е. словом «соль» назывались все бесцветные твердые тела, растворимые в воде и обладающие специфическим вкусом. Это не означает, что химическая категория «соль» включает в себя сахар и т. п. Речь идет о том, что для выражения общих признаков таких тел, как соль, сахар и т. п., еще не было слов, поэтому эти общие признаки находили свое выражение в слове «соль», обозначавшем в данном случае общее понятие.

Таким образом, люди в своей практической деятельности, неоднократно сравнивая, сопоставляя предметы друг с другом, приходили к познанию общего, существенного в предметах: к образованию понятий, логических категорий. Благодаря практической деятельности человека создаются сперва представления, а потом понятия или категории, например, причинности, случайности, необходимости, общего, частного и т. п.

Говоря о происхождении и первоначальном значении логических категорий «общее» и «частное», Маркс писал:

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 471.

«...Общее... означает у германцев и северян не что иное, как общинную землю, а частное... — не что иное, как выделившуюся из этой общинной земли частную собственность. Выходит, что логические категории — проклятие — прямо вытекают из «наших отношений»...» [1].

Таким образом, абстрактное мышление и его продукты — понятия, категории, принципы — «не исходный пункт исследования, а его заключительный результат» (Энгельс). Они абстрагируются из природы и человеческой истории в процессе общественной практики людей.

Марксистский философский материализм, отмечая единство чувственного познания и мышления, подчеркивает вместе с тем, что абстрактное мышление хотя и вырастает из ощущений и восприятий, имеет их в качестве своей основы, источника, но оно не сводится к ним, а представляет собой именно высшую ступень познания, качественно отличную от непосредственного, живого созерцания.

Чувственное познание дает нам только образы конкретно чувственных предметов, но оно не может без помощи абстрактного мышления проникнуть в сущность явлений, вскрыть в предметах их внутренние связи, найти закон их существования и развития. «Представление, — пишет Ленин, — не может схватить движения в *целом*, например, не схватывает движения с быстротой 300.000 км. в 1 секунду (скорость света. — **А. В.**), а *мышление* схватывает и должно схватить» [2].

Для раскрытия сущности явлений, их внутренней закономерности необходимо абстрагироваться, отвлечься от конкретно чувственных вещей, их особенностей, найти то общее, что присуще не отдельным, а многим вещам. Например, при помощи чувств мы воспринимаем отдельные проявления энергии (теплоту, свет, электричество и т. д.). Но для того, чтобы найти в отдельных формах проявления энергии общий для них закон — закон сохранения и превращения энергии, — чувственного познания недостаточно. Это достигается при помощи абстрактного мышления, обобщения различных проявлений энергии. Мы можем наблюдать процесс труда отдельных рабочих при капитализме, но сколько бы мы ни наблюдали, мы никогда не можем без абстрактного мышления вскрыть закон прибавочной стоимости. Точто так же одним только наблюдением спроса и предложения товаров на капиталистическом рынке мы неспособны открыть их закон — стоимость. При анализе экономических форм, указывал Маркс, нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 201. Госполитиздат. 1947.

[2] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 199.

Абстрактное мышление тем и отличается качественно от чувственного познания, что оно абстрагируется от чувственного, непосредственно данного, единичного и путем обобщения открывает то общее и существенное, что свойственно не одному предмету, а многим предметам, т. е. закон их развития. Так, например, отличительная особенность грамматики, как показал И. В. Сталин, состоит в том, что она, абстрагируясь от отдельных слов и конкретных предложений, берет то общее, что лежит в основе изменений слов и сочетаний слов в предложениях, и строит из него грамматические законы. Грамматика, говорит И. В. Сталин, есть результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления.

В этой связи можно указать на геометрию, которая формулирует свои законы, абстрагируясь от отдельных предметов и конкретных отношений между ними. Следовательно, в мышлении отражаются не только отдельные явления и их внешняя связь, а сущность ряда явлений, их внутренняя связь и закономерность.

Отвлечение мышления от конкретного чувственного многообразия явлений объективного мира отнюдь не означает, с точки зрения марксистско-ленинской теории познания, отрыва мышления от чувственных предметов. Мышление абстрагируется от конкретно чувственных явлений для того, как говорил Ленин, чтобы вернее, глубже, полнее познать их.

«Мышление, — пишет Ленин, — восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное... от* истины, а подходит к ней. Абстракция *материи, закона* природы, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*»[1].

Важнейшей формой отражения объективного мира в сознании человека является понятие. Понятие качественно отличается не только от ощущения и восприятия, но и от представления. Если представление есть наглядный образ предмета, то понятие освобождается от чувственного материала и представляет собой мысль о предмете, или умственный образ. В понятиях открывается то, что недоступно ни восприятиям, ни представлениям; понятия выражают общие, наиболее существенные признаки предметов, их внутренние решающие связи, законы.

Понятие есть научная абстракция, результат обобщения чувственных данных, опыта. В понятиях резюмируются результаты познания объективной действительности. Понятия неразрывно связаны с языком. Если результаты познания обобщаются в понятиях, то сами понятия могут быть выражены только в языке в виде слов и в соединении слов — в предложениях. Роль языка в познании

---

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 146.

и неразрывная связь его с мышлением с исключительной ясностью и глубиной показана в выдающихся трудах И. В. Сталина по вопросам языкознания. «Будучи непосредственно связан с мышлением, язык, — пишет И. В. Сталин, — регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе» [1].

В словах, в предложениях язык выражает и закрепляет мысли в голове человека, успехи познания человеком объективного мира. В форме понятий, выраженных в виде слов, человек обобщает в мышлении данные опыта, итоги изучения предметов, выделяя при этом общие, наиболее существенные признаки предметов и отбрасывая частные, несущественные. Так, например, философское понятие материи возникло в результате обобщения конкретных форм материи (минералы, растения, животные и т. д.) путем отвлечения от несущественных признаков, присущих лишь той или иной отдельной форме материи, и выделения того, что обще всем им. Слово «материя», говорит Энгельс, — это просто сокращение, в котором мы резюмируем, согласно их общим свойствам, различные чувственно воспринимаемые вещи Этим общим для всех разнообразных форм материи свойством, как указал Ленин, является свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания. Понятие материи, говорил Ленин, ничего иного, кроме объективной реальности, данной нам в ощущении, не выражает.

Понятия могут быть выражены только в словах, поэтому не может быть мышления без языка. Исключением являются лишь глухонемые, мысли которых, как было указано, возникают и существуют только на базе образов, восприятий, представлений.

И. В. Сталин в своих трудах по вопросам языкознания разоблачил идеализм Н. Я. Марра, который отрывает мышление от языка и считает, что мысли возникают в голове человека без языкового материала, без языковой оболочки. Товарищ Сталин подчеркивает, что у людей, владеющих языком, мысли всегда облечены в материальную языковую оболочку и не существуют без языка.

«Какие бы мысли ни возникли в голове человека и когда бы они ни возникли, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз. Оголенных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой «природной материи» — не существует. «Язык есть непосредственная действительность мысли» (Маркс). Реальность мысли проявляется в языке. Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с «природной материей» языка, о мышлении без языка» [2].

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.
[2] Там же, стр. 39.

Мышление и язык не могут существовать друг без друга. Мышление есть отражение материальной действительности; оно есть осознание вещей и различных связей и отношений между ними, а язык является формой выражения и средством закрепления и хранения мысли об этих внешних вещах. В языке запечатлена, отражена вся пережитая человечеством история развития мышления и общественной жизни, история развития познания человечеством объективного мира.

Огромная роль языка в познании вытекает из его непосредственной связи с производством, со всей общественной практикой человека. Язык непосредственно отражает изменения в производстве, технике и науке, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствуя свой грамматический строй. Язык, будучи орудием общения людей, является вместе с тем орудием познания и преобразования природы. Язык делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе, что позволяет людям наладить совместные действия в борьбе с силами природы, в борьбе за производство необходимых материальных благ.

Язык — средство абстрактного мышления. Он дает безграничные возможности отражения и обобщения действительности в форме понятий, суждений и умозаключений.

Понятия хотя и образуются в сознании посредством абстрактного мышления, но они объективны по своему содержанию, по своему источнику. Человеческие понятия, говорил Ленин, субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в итоге, в источнике.

Марксистский философский материализм считает, что все научные понятия имеют своим конечным источником внешний мир.

Современные буржуазные философы и ученые (Рассел, Эддингтон и др.) рассматривают понятие как плод чистой мысли. Понятие о закономерностях мира, например, с их точки зрения можно вывести не из внешнего мира, а из мышления, чисто априорным путем. Антинаучный и реакционный смысл подобного рода идеалистических утверждений разоблачил еще Энгельс. Критикуя Дюринга, воображавшего, что все математические понятия можно вывести из чистого мышления, априорным путем, Энгельс писал: «Понятие фигуры, как и понятие числа, заимствовано исключительно из внешнего мира, а не возникло вовсе в голове из чистого мышления. Раньше чем люди могли прийти к понятию фигуры, должны были существовать вещи, которые имели форму и формы которых сравнивали» [1]. Как и прочие науки, математика, говорит Энгельс, возникла из потребностей человека: из измерения земли и вместимости сосудов, из исчисления времени и механики. Все представления о линиях, говорит далее Энгельс, поверхностях, углах, о много-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 39.

угольниках, кубах, шарах и т. д. взяты из действительности. Таким образом, научные понятия являются отражением объективного мира.

Понятие, будучи обобщением, отражает объективную реальность. Оно поэтому носит конкретный характер, включает в себя многообразие, является единством этого многообразия. Например, конкретным научным понятием является непревзойденное по глубине и предельной ясности определение нации, которое дает И. В. Сталин в своей гениальной работе «Марксизм и национальный вопрос».

«Нация, — пишет товарищ Сталин, — есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»[1].

В этом сталинском определении нации указаны, выделены все основные, существенные, наиболее общие признаки существующих в действительности наций, причем все эти признаки рассматриваются в неразрывном единстве, так, как они даны в самой жизни. Ни один из указанных признаков, говорит товарищ Сталин, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации. Более того, достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией. И. В. Сталин подчеркивает, что только наличие всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию.

Для того чтобы определить предмет, образовать понятие о нем, необходимо найти такие признаки предмета, которые составляют его внутреннюю сущность, без которых невозможно существование ни самого предмета, ни понятия о нем. Нельзя образовать конкретное понятие о предмете, если берется лишь один признак и упускаются из виду остальные, наиболее существенные признаки его. Так, например, определение Бауэром нации антинаучно и идеалистично потому, что он в качестве единственно отличительного признака нации взял «национальный характер», отбросив наиболее существенные признаки. Но определение предмета будет ненаучным и в том случае, когда к основным, существенным признакам произвольно добавляются неосновные, нехарактерные для данного предмета.

Товарищ Сталин в статье «Национальный вопрос и ленинизм» самым решительным образом выступил против попыток «дополнения» понятия «нация» еще одним, пятым признаком: признаком наличия своего, собственного, обособленного национального государства. Определение нации с ее пятым признаком ошибочно теоретически, так как оно вычеркивает из разряда наций все угнетенные нации, лишенные самостоятельного государства; оно ошибочно также и политически, так как приводит к оправданию национального, империалистического гнета, носители которого не признают за нации угнетенные нации, не имеющие своих отдельных национальных

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 296.

государств. Следовательно, определение нации с включением пятого признака антинаучно.

В работе «Об основах ленинизма» товарищ Сталин дает классическое определение ленинизма. Это определение имеет большое значение и для развития марксистско-ленинского учения о понятии. Оно служит ярким примером конкретного понятия. «Ленинизм, — говорит И. В. Сталин, — есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции».

Это определение с исключительной научной глубиной правильно отражает все основные, наиболее характерные признаки ленинизма, — оно указывает на исторические корни ленинизма, характеризуя его как марксизм эпохи империализма; отмечает международный характер ленинизма; отмечает органическую связь ленинизма с учением Маркса. Без наличия этих трех объективных признаков было бы невозможно дать научное определение ленинизма. Здесь, как и при определении нации, взяты самые существенные, решающие признаки ленинизма, без которых понятие ленинизм не может быть раскрыто.

Таким образом, из приведенных примеров видно, что наиболее характерными чертами определения понятий должны быть:

Во-первых, всесторонний охват основных, наиболее существенных признаков предмета, без которых не может быть образовано понятие о нем.

Во-вторых, рассмотрение всех входящих в определение признаков предмета в неразрывной диалектической связи; при отсутствии хотя бы одного из них научное определение предмета становится невозможным.

В-третьих, ясность, научная глубина и предельная четкость определения как отдельных признаков, так и предмета в целом, благодаря чему должна легко обнаружиться связь между понятием о предмете и самим предметом.

Понятия могут быть истинными, научными только в том случае, если они правильно отражают объективную действительность, если они связаны с той реальной «почвой», на которой они возникли. Отрыв понятий от предметов, от почвы, абсолютизирование отдельных признаков понятия с неизбежностью приводит в болото идеализма.

Понятия образуются абстрактным мышлением путем отвлечения от единичных реальных вещей, но само это отвлечение не является абсолютным. Было бы неправильно рассматривать понятие только как общее. В понятии находит свое выражение и единичное и особенное.

Марксистско-ленинская теория познания учит, что в реальной действительности, а следовательно, и в понятиях (ибо они суть отражение действительности) общее и отдельное находятся в неразрывной связи. Общее, говорит Ленин, существует лишь в отдель-

ном, через отдельное. Например, нельзя полагать, что дом вообще существует вне видимых домов. Всякое общее есть частичка или сторона или сущность отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее. В процессе образования понятия мы отбрасываем отдельные стороны единичных вещей и сохраняем только существенные стороны — те, которые общи всем вещам данной группы. Таким образом, понятие отражает объективное единство общего и отдельного. Это и делает понятие конкретным понятием.

Научные понятия имеют большое значение как для развития самой науки, так и для практики. Они, раскрывая закономерности объективной действительности, служат теоретическим оружием практического преобразования ее. Применяя научные понятия в практической деятельности, мы не должны извращать их смысл, смешивать их, подменять одно понятие другим. Против этого классики марксизма-ленинизма вели решительную борьбу. Например, в статье «К вопросам ленинизма» товарищ Сталин резко выступил против попыток отождествить руководящую роль партии с диктатурой пролетариата. «Понятие диктатуры пролетариата, — говорит товарищ Сталин, — есть понятие государственное. Диктатура пролетариата обязательно включает в себя понятие насилия. Без насилия не бывает диктатуры, если диктатуру понимать в точном смысле этого слова» [1]. Руководство же партии строится на авторитете партии, на доверии рабочего класса. А доверие рабочего класса приобретается правильной теорией партии, правильной политикой партии, ее преданностью рабочему классу, ее связью с массами, ее готовностью и умением убеждать массы в правильности своих лозунгов.

В работе «Национальный вопрос и ленинизм» товарищ Сталин считает совершенно недопустимым для марксистов смешение таких разнородных понятий, как, например, «уничтожение национального гнета» с «ликвидацией национальных различий», «уничтожение национальных государственных перегородок» с «отмиранием наций» или «победа социализма в одной стране» и «победа социализма во всемирном масштабе».

Указания классиков марксизма-ленинизма о недопустимости смешения понятий, искажения их смысла имеют огромное не только познавательное, но и политическое значение. Они предостерегают от искажения смысла понятий, применяемых в науке и политике, от политически ошибочных выводов из них.

Выступая против искажений содержания понятий, подмены одного понятия другим, классики марксизма-ленинизма в то же время категорически отвергают метафизический взгляд на понятия как на неизменные, раз навсегда данные, абсолютные сущности.

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 8, стр. 42.

Наши понятия, являясь отражением объективного мира, который постоянно развивается и изменяется, не могут оставаться неизменными; они тоже изменяются и развиваются вместе с развитием природы и общественной жизни.

Товарищ Сталин пишет: «В мире нет ничего вечного, в мире все преходяще и изменчиво, изменяется природа, изменяется общество, меняются нравы и обычаи, меняются понятия о справедливости, меняется сама истина...» [1].

Все изменения во внешнем мире, в природе и обществе с объективной необходимостью вызывают изменения в наших восприятиях, представлениях и понятиях о внешнем мире.

В докладе «О проекте Конституции Союза ССР» на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов товарищ Сталин на основе глубокого анализа преобразований, происшедших к этому времени в области экономики, показал изменения природы классов в СССР и дал новое понятие о них. Так, например, если в условиях капитализма рабочий класс действительно есть класс пролетариев, то рабочий класс СССР уже не является пролетариатом. Пролетариат, говорит И. В. Сталин, есть класс, лишенный средств производства. Пролетариат — это класс, эксплуатируемый капиталистами. В Советском Союзе класс капиталистов ликвидирован, средства производства, отобранные у капиталистов, переданы государству, руководящей силой которого является рабочий класс. С уничтожением эксплуататорских классов уничтожена навсегда и эксплуатация рабочего класса. Таким образом, пролетариат СССР превратился в совершенно новый класс, в рабочий класс СССР, ликвидировавший капиталистические классы, утвердивший социалистическую собственность на средства производства и направляющий советское общество по пути к коммунизму. Рабочий класс СССР стал совершенно новым, освобожденным от эксплуатации классом, еще не виданным в истории человечества.

Товарищ Сталин, развивая дальше теорию национального вопроса и обобщая опыт национальной жизни советских народов, выдвигает очень важное в научном и политическом отношении положение о новых, социалистических нациях. Новые, советские нации развились и оформились на базе старых, буржуазных наций после свержения капитализма в России, после разгрома буржуазии и ее националистических партий. Возникновение социалистических наций, как указывает товарищ Сталин, означает не ликвидацию наций вообще, а лишь ликвидацию буржуазных наций. Товарищ Сталин подчеркивает, что социалистические нации являются гораздо более сплоченными и более общенародными, чем любая буржуазная нация.

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 304.

Понятие «социалистическая нация», впервые выдвинутое товарищем Сталиным в статье «Национальный вопрос и ленинизм», является результатом научного обобщения новых данных исторического опыта развития наций в условиях советского общества, выводом из анализа всех тех изменений, которые произошли в экономической, политической и культурной жизни народов СССР.

Марксистский философский материализм исходит из основного принципа о том, что не логика понятий определяет ход вещей, как утверждают идеалисты, а, наоборот, объективный ход вещей определяет логику понятий. Диалектика вещей, говорит Ленин, создает диалектику понятий, идей, а не наоборот. Диалектика понятий, диалектика познания является лишь отражением в сознании человека диалектики объективного мира.

Ленин говорил, что логические понятия, формы и законы — не пустая оболочка, а отражение объективного мира; они должны быть неразрывно связаны с историей познания вещей. Только диалектический материализм дает правильное, научное решение проблемы исторического и логического в познании, подчеркивая, что логический процесс познания есть лишь отражение исторического процесса объективного мира.

Диалектический материализм рассматривает теорию предмета и его историю в органическом единстве. Теоретические понятия представляют собой итог, вывод из истории познания объективной действительности. Являясь результатом исследования истории предмета, они содержат в себе историческое, но очищенное от его случайных, несущественных, второстепенных признаков. Например, понятие нации есть итог, вывод из истории познания процесса зарождения, формирования и развития наций, результат обобщения наиболее существенных признаков нации. Оно как бы резюмирует историю наций, выделяя из нее главное, определяющее. Вот почему классический труд товарища Сталина «Марксизм и национальный вопрос» одновременно является и историей возникновения, формирования и развития наций и марксистской теорией нации. На основе глубокого исторического исследования наций и теоретического обобщения этого исследования товарищ Сталин дает в своей работе программу большевизма по национальному вопросу.

Точно так же и другой замечательный труд товарища Сталина— «Об основах ленинизма» — одновременно является и историей предмета и его теорией. В нем диалектически сочетается логика ленинизма с глубоким историческим содержанием. В этой работе дано изложение того особенного и нового, что внес Ленин в общую сокровищницу марксизма под углом зрения новой исторической эпохи — эпохи империализма.

Классическое определение ленинизма дано в этой работе на основе гениального обобщения вопросов ленинизма и глубокого анализа его исторических корней. Ленинизм как наука дает правиль-

ную картину эпохи империализма и пролетарских революций и служит поэтому руководством к действию.

Таким образом, ленинизм как теория имеет глубоко историческое содержание. Сталинское определение ленинизма является выводом, итогом, резюмирующим как вопросы ленинизма, так и историю революционного движения рабочего класса всех стран мира. «...Ленинизм, — говорит И. В. Сталин, — ...есть обобщение опыта революционного движения всех стран...» [1].

Итак, логические понятия и история предмета, с точки зрения диалектического материализма, находятся в неразрывном единстве, определяющая роль в котором принадлежит истории предмета. Логика вещей, как отмечает товарищ Сталин, сильнее всякой иной логики. Поэтому необходимо прежде всего познать объективный ход вещей, чтобы на основе этого наметить меры действия.

Всем тем, кто не считается с фактами, с объективной логикой вещей, товарищ Сталин отвечает: «Но что значит не считаться с фактами, с объективным ходом вещей? Это значит сойти с почвы науки и стать на почву знахарства.

Отсюда авантюризм в политике...» [2].

Современные философствующие реакционеры, игнорируя научное познание мира, открыто пускаются на всевозможные философские авантюры. Они провозглашают, что «логика есть сущность философии», что поэтому надо отбросить объективные факты, опыт и опытные наблюдения. Вместо познания объективного мира буржуазные философы ставят своей целью «конструировать мир» из вымышленных ими же логических первичных элементов. Они сознательно мистифицируют науку, отказываются от возможности научного познания реального мира и становятся на путь знахарства, стремясь окутать мраком мистицизма сознание народных масс и тем самым укрепить расшатавшиеся устои капитализма.

Диалектический материализм учит, что сущность предметов и явлений объективного мира отражается в нашем мышлении не только в форме понятий, но и в форме суждений и умозаключений. Суждение является важнейшей формой, в которой совершается мыслительный процесс. Мыслить — это значит прежде всего судить. Суждение отражает объективную действительность в ее связях и отношениях. Элементами всякого суждения являются понятия, без которых оно не может иметь никакого смысла. Например, суждение «трение есть источник теплоты» теряет всякий смысл для человека, не имеющего понятий о трении, источнике, теплоте.

В то же время содержание самих понятий может быть раскрыто только путем суждений. Например, содержание понятия «класс» Ленин раскрывает в форме такого рода общего суждения: класса-

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 8, стр. 15.
[2] И. В. Сталин. Соч., т. 9, стр. 46.

ми называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они распоолагают. Кто не может высказать данное суждение о классах, тот не имеет и научного понятия о них.

Суждения имеют большое значение в процессе познания. Суждения — это логические формы мышления, в которых совершается поступательное движение познания объективной действительности.

Это можно проследить на примере развития человеческих знаний о превращении форм движения материи друг в друга. Люди, как указывает Энгельс, раньше знали практически, что трение порождает теплоту, но лишь спустя многие тысячелетия они могли высказать суждение: «трение есть источник теплоты». Это суждение выражает единичный факт, представляет собой суждение единичности. Затем, с развитием познания природы движения, ученые смогли сформулировать более высокую форму суждения: «всякое механическое движение способно превратиться при помощи трения в теплоту». Это суждение можно рассматривать как суждение особенности (особая форма движения — механическая превращается в другую особую форму движения — в теплоту). Наконец, дальнейший прогресс познания приводит к суждению всеобщности: «любая форма движения, оказывается, способна и должна превратиться в любую иную форму движения». В этом, третьем суждении выражен всеобщий закон движения природы.

Суждения, как видно из приведенного примера, так же как и понятия, выражают углубление знаний человеком законов объективного мира.

Не менее важной формой отражения действительности в мышлении являются умозаключения. В отличие от суждений, в которых просто регистрируется связь тех или иных явлений действительности, раскрывается содержание понятий, умозаключение — это такая логическая форма мышления, при помощи которой из данных суждений выводится новое суждение. Данные суждения являются посылками, а выведенное из них новое суждение — выводом, или заключением. Истинность заключения, так же как и посылок, обусловливается соответствием их объективной действительности, что проверяется практикой.

Большое значение умозаключения в познании в том и состоит, что при помощи его мы на основании имеющегося знания, выраженного в посылках, приходим к новому знанию.

В зависимости от направления познания умозаключение может быть или индуктивным или дедуктивным. Индуктивное умозаключение означает движение познания от частного, единичного к об-

щему; дедуктивное — от общего к частному, единичному. Индукция и дедукция играют большую роль в процессе познания. Все науки в своем познании природы или общества к общим положениям и теоретическим выводам, законам приходят, отправляясь от частного, единичного, т. е. от фактических данных. Наука, не опирающаяся на факты, не может быть наукой. Все научные открытия как в области изучения природы (органической клетки, закона превращения энергии и т. д.), так и изучения общественных явлений (закон прибавочной стоимости, закон неравномерности развития капитализма в эпоху империализма, основной закон революции и т. д.) — результат наблюдений, изучения отдельных фактов и обобщения их. И в этом большая роль принадлежит индукции.

Индукция неразрывно связана с дедукцией. Индукция, являясь предпосылкой дедукции, в свою очередь опирается на общую теорию, на определенный запас общих знаний. Дедукция — восхождение от общего к единичному — играет не меньшую роль в познании, чем индукция. Дедукция дает возможность систематизировать постоянно накапливающиеся знания отдельных фактов на основе общих теоретических положений, общих законов.

Исходя из общих законов, можно при помощи дедукции предвидеть новые, еще не известные явления. Так, великий русский химик Дмитрий Иванович Менделеев на основе открытого им периодического закона химических элементов гениально предсказал существование ряда новых, неизвестных, впоследствии открытых элементов, предопределив их свойства.

Периодический закон Менделеева был и продолжает оставаться исходной основой для многочисленных новых химических и физических исследований в современной химии.

Таким образом, дедукция значительно дополняет индукцию, так же как и индукция — дедукцию. Тот же периодический закон Менделеева, являющийся основой для новых открытий, сам был открыт в результате глубокого исследования отдельных химических элементов и обобщения данных этого исследования. Все это свидетельствует о неразрывности индукции и дедукции в познании.

«Индукция и дедукция, — писал Энгельс, — связаны между собой столь же необходимым образом, как синтез и анализ. Вместо того, чтобы превозносить одну из них до небес за счет другой, лучше стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если иметь в виду их связь между собой, их взаимное дополнение друг другом» [1].

Итак, умозаключение, как и суждение, представляет собой весьма важную и необходимую форму абстрактного мышления, в которой отражается сложный и многообразный объективный мир. Если понятия отражают сущность, внутреннюю закономерность

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 431.

явлений, а в суждениях раскрывается объективное содержание понятий, то умозаключения, исходя из определенной системы суждений, дают нам новые знания о внешнем мире, раскрывают на основе достигнутого знания и практики неизвестные до того явления и связи между ними. Все эти формы логического мышления суть ступеньки углубления нашего познания реальной действительности. Абстрактное мышление — величайшее орудие познания мира. Оно в неразрывном единстве с чувственным познанием, на основе практики способно давать и дает нам истину.

Объективная, абсолютная и относительная истина

Познание, как было рассмотрено выше, представляет собой процесс отражения объективного материального мира в сознании человека, в его ощущениях, восприятиях, представлениях, понятиях, суждениях и умозаключениях. Правильность отражения проверяется практикой. В «Философских тетрадях» Ленин говорит, что жизнь рождает мозг. В мозгу человека отражается природа. Проверяя и применяя в практике своей и в технике правильность этих отражений, человек приходит к объективной истине.

Чтобы правильно разрешить проблему истины, необходимо, как указывает Ленин, различать «два вопроса: 1) существует ли объективная истина, т. е. может ли в человеческих представлениях быть такое содержание, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества? 2) Если да, то могут ли человеческие представления, выражающие объективную истину, выражать ее сразу, целиком, безусловно, абсолютно или же только приблизительно, относительно? Этот второй вопрос есть вопрос о соотношении истины абсолютной и относительной» [1].

Марксистский философский материализм признает объективную истину, и это признание коренным образом отличает его от идеализма, агностицизма, отрицающего объективную истину. Признание объективной истины само собой вытекает из материалистической теории отражения. Ленин говорил, что ощущение открывает человеку объективную истину. «Считать наши ощущения образами внешнего мира — признавать объективную истину — стоять на точке зрения материалистической теории познания, — это одно и то же» [2].

Объективной истиной Ленин, как видно из приведенного положения, называет такое содержание в человеческих представлениях и понятиях, которое не зависит ни от человека, ни от человечества. Например, утверждение естествознания, что земля существовала до человечества, есть объективная истина. Учение о том, что органи-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 110.
[2] Там же, стр. 117.

ческая материя произошла из неорганической, что носителем жизни является белок, есть объективная истина. В познании общественной жизни объективной истиной является учение марксизма-ленинизма.

Объективность содержания нашего познания определяется тем источником познания, который отражается в человеческой голове. Этим источником является вне нас существующий материальный мир.

Критикуя субъективизм и агностицизм махистов, Ленин отмечает, что если существует на свете только ощущение, как утверждают махисты, и если тела суть комплексы ощущений, то ясно, что перед нами философский субъективизм, неизбежно приводящий к отрицанию объективной истины.

Признание или отрицание объективной истины вытекает из того, что признается за источник познания: объективный мир или ощущение, сознание. И махисты, и материалисты, говорит Ленин, могут признать источником наших знаний ощущения. «Первая посылка теории познания, несомненно, состоит в том, что единственный источник наших знаний — ощущения. Признав эту первую посылку, Мах запутывает вторую важную посылку: об объективной реальности, данной человеку в его ощущениях, или являющейся источником человеческих ощущений. Исходя из ощущений, можно идти по линии субъективизма, приводящей к солипсизму («тела суть комплексы или комбинации ощущений»), и можно идти по линии объективизма, приводящей к материализму (ощущения суть образы тел, внешнего мира). Для первой точки зрения — агностицизма или немного далее: субъективного идеализма — объективной истины быть не может. Для второй точки зрения, т. е. материализма, существенно признание объективной истины» [1].

Марксистский философский материализм объективно истинным считает только такое познание, которое правильно отражает объективную реальность, соответствует действительности. Признание существования объективной истины имеет большое принципиальное значение, так как оно отделяет материалистическую линию в теории познания от идеалистической. Для махистов, например, объективной истины быть не может, потому что они считают внешний мир продуктом субъекта, комплексом ощущений. Для них все истины субъективны.

В своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин подверг резкой критике субъективно-идеалистическое понимание истины Богдановым. По Богданову, истина есть идеологическая или организующая форма человеческого опыта. Свое определение истины Богданов пытался выдать за признание объективной истины, понимая под объективностью общезначимость, т. е. то, что имеет одинаковое значение для всех или для большинства людей.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 113—114.

Критикуя Богданова, Ленин отмечает, что если истина есть только идеологическая форма, то, значит, не может быть истины, не зависящей от субъекта, от человечества, ибо иной идеологии, кроме человеческой, мы не знаем. Затем, если истина, как говорит Богданов, есть организующая форма человеческого опыта, то не может быть истинным, например, утверждение о существовании земли вне всякого человеческого опыта. Мало того, утверждая, что истина есть только организующая форма человеческого опыта, Богданов признает тем самым истиной и учение религии. Ибо не подлежит ни малейшему сомнению, говорит Ленин, что, например, католицизм есть «организующая форма человеческого опыта».

Вскрывая реакционную сущность учения махизма, в частности Богданова, об истине, Ленин подчеркивал, что под богдановское определение объективности как общезначимости вполне подходит учение религии, несомненно обладающее «общезначимостью», так как большая часть человечества в странах капитализма держится еще поныне религиозного учения. Не помогло Богданову избавиться от фидеизма и его заявление о том, что, мол, истинным является не всякий коллективный опыт, а лишь тот, который укладывается в «цепь причинности». Ленин указывает, что религия вполне «укладывается» в «цепь причинности», ибо она возникла не беспричинно и держится в массе народа при капиталистических условиях вовсе не случайно. Религия — это духовный гнет, при помощи которого капиталисты эксплуатируют трудящихся.

Таким образом, отрицание объективной истины, как показал Ленин, неизбежно приводит махистов к стиранию всякой грани между наукой и религией, к фидеизму и поповщине.

Критикуя махистское, идеалистическое понимание истины, Ленин вместе с тем разоблачил реакционную сущность прагматизма — самоновейшей американской философии, опирающейся на махизм. Прагматисты, как отмечал Ленин, доказывают, что наука не есть «абсолютная копия реальности», и преблагополучно выводят из всего этого бога в целях практических.

Современные американские и английские прагматисты считают истиной лишь то, что выгодно или полезно для эксплуататорского класса — буржуазии. Для буржуазных идеологов речь идет не о том, «правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна...» [1]. Современные буржуазные философы отрицают объективную истину; для них истиной является все то, что оправдывает эксплуатацию трудящихся капиталом. Буржуазные философы и ученые стирают различие между наукой и религией, знанием и мистикой. Религия для них — такая же истина, как и наука, поскольку та и другая служат буржуазии.

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 13. Изд. 1949.

Не случайно поэтому современные американские философы усиленно ратуют за союз науки и религии, пишут на эту тему специальные «ученые» трактаты, стремясь с помощью религии притупить классовое сознание пролетариата, примирить трудящиеся массы с капиталистическим рабством. Примером этого может служить книга отъявленного реакционера, американского философа Уайтхеда «Наука и современный мир», изданная в 1947 году. В специальной главе «Религия и наука» Уайтхед в угоду американским империалистам всячески пытается доказать и обосновать необходимость союза науки и религии, призывая ученых и представителей религии «воздержаться от взаимных анафем», заявляя, что религия так же необходима для пользы дела, как и наука.

В понимании истины и познания в целом марксистский философский материализм ведет решительную и непримиримую борьбу как против идеализма, релятивизма, отрицающего объективную истину, так и против догматиков, признающих только вечные истины.

Признавая объективную истину, марксистский философский материализм считает, что человек не может сразу целиком познать объективную истину, он может познать ее лишь в процессе. Материализму чужд догматический взгляд, рассматривающий истину как законченный, раз навсегда данный, неизменный результат познания.

Еще Энгельс в работе «Анти-Дюринг» выступил с резкой критикой Дюринга, считавшего все добытые человечеством истины вечными, окончательными, истинами в последней инстанции.

Высмеивая Дюринга как метафизика-догматика, Энгельс говорит, что, конечно, вечные истины есть. Например, истины вроде того, что дважды два — четыре, сумма углов треугольника равна двум прямым, что Париж находится во Франции, что Наполеон умер 5 мая 1821 года и т. п. Все подобные истины являются вечными, окончательными, истинами в последней инстанции, так как они не могут быть опровергнуты в будущем. Но, говорил Энгельс, неуместно употреблять большие слова относительно простых вещей. Чтобы двинуть материализм вперед, указывал Ленин, надо бросить пошлую игру со словами «вечная истина», надо уметь диалектически поставить и решить вопрос о соотношении абсолютной и относительной истины.

Величайшая заслуга классиков марксизма-ленинизма состоит в том, что они, отвергая метафизический взгляд на познание как на неизменное, раз навсегда данное, абсолютное, показали в своих трудах, что процесс развития познания идет поступательно, по восходящей линии, от низшего к высшему, от незнания к знанию, от явления к сущности, от относительной истины к абсолютной истине.

Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин учат, что в познании нет непреодолимых преград или пределов для поступательного движения вперед, что «нет в мире непознаваемых вещей, а есть только ве-

щи, еще не познанные, которые будут раскрыты и познаны силами науки и практики». Развитие познания беспредельно: познание никогда не достигает такого пункта, от которого оно уже не могло бы пойти дальше, вперед. Каждая достигнутая стадия в развитии познания есть высший результат предыдущего познания, новое качество, но не предел. Эта высшая стадия сама является в то же время лишь новым исходным пунктом для дальнейшего безграничного поступательного развития познания объективной истины.

Этот единственно правильный взгляд на процесс познания наиболее ярко выражен в учении марксистского философского материализма о диалектическом соотношении абсолютной и относительной истины. В своем бессмертном произведении «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин дает глубокое диалектическое решение этого важнейшего вопроса теории познания диалектического материализма. Человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, но абсолютная истина, как говорит Ленин, складывается из суммы относительных истин. Каждый шаг в развитии познания, каждое новое открытие в науке прибавляет новые зерна в сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания. Следовательно, относительная и абсолютная истины не исключают друг друга, а представляют собой диалектическое единство. Каждая относительная истина относительна потому, что ее пределы могут быть расширены, раздвинуты дальнейшим новым шагом в развитии познания, но в то же время «в каждой научной истине, несмотря на ее относительность, есть элемент абсолютной истины», так как в ней правильно отражается материальный мир.

Относительные истины представляют собой относительно верные отражения независимого от человечества объекта; эти отражения с развитием познания становятся все более верными. Относительными истинами являются все те научные положения, понятия, теории, которые приблизительно верно, но неполно, неточно отражают объективную действительность и которые с течением времени уточняются, становятся все более полными, все более верными.

Относительность познания не значит, что в нем нет абсолютного содержания. Если наше познание есть отражение объективной действительности в ощущениях и понятиях человека, то в нем есть и должно быть абсолютное содержание. Признание относительных истин означает не отрицание абсолютной истины, а признание того, что наше познание не является готовым и неизменным, что абсолютная истина познается не сразу целиком, а через знание неполное, приблизительное, т. е. через относительные истины. В этой связи Ленин говорил, что нельзя предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из незнания яв-

ляется знание, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным.

Возьмем в качестве примера развитие знания о строении материи. До конца XIX столетия в физике и химии господствовал взгляд, согласно которому материя состоит из мельчайших частиц — атомов, которые считались тогда неделимыми, обладающими раз навсегда данными и неизменными свойствами. Этот взгляд представлял собой относительную истину, так как он отражал действительное строение материи лишь приблизительно верно. Зерно абсолютной истины заключалось здесь в правильном представлении лишь о том, что материя действительно состоит из атомов. Что касается представлений о строении самих атомов, то они были неверными.

Дальнейшее развитие знаний об атомном строении материи привело в конце XIX века к открытию электронов — мельчайших составных частей атома. Это открытие не опровергало прежних представлений об атомном строении материи, но оно прибавляло к ним новое зерно абсолютной истины, расширяя и углубляя тем самым человеческое познание строения материи. Но электрон, говорит Ленин, так же неисчерпаем, как и атом. Значит, электронная теория строения материи не есть предел наших знаний о материи. Она хотя и содержит в себе гораздо большую частицу абсолютной истины, чем предыдущая теория, но в то же время является относительной истиной.

Ленин указывал, что если вчера углубление человеческого познания не шло дальше атома, сегодня — дальше электрона, то диалектический материализм настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих вех познания природы прогрессирующей наукой человека.

Дальнейшее развитие знаний о строении материи целиком подтвердило гениальное предвидение Ленина. Наука открыла целый ряд новых мельчайших частиц материи, ядро атома, способ его расщепления, открыла внутриатомную энергию. Но и на этом поступательное движение познания не может остановиться.

Каждая из указанных теорий о строении материи (атомная, электронная) прибавляет новые зерна истины в общую сумму абсолютной истины, но ни одна из них не является пределом познания. Несомненно, что современный взгляд на строение материи содержит в себе значительно большую частицу абсолютной истины, отражает природу глубже, полнее, точнее, чем прежняя атомная теория, но и он не исчерпывает всей абсолютной истины.

История развития наук показывает, что через относительные истины мы познаем абсолютную истину и приближаемся к все более и более полному ее познанию, но в то же время человеческое познание не в состоянии практически дать законченное, исчерпывающее знание материального мира в целом, точно так же, как создан-

ная художником картина не дает исчерпывающего изображения предмета.

Наше познание относительно, исторически условно, но в то же время оно есть познание абсолютной истины. Исторически условны контуры картины, отмечает Ленин, но безусловно то, что эта картина изображает объективно существующую модель.

Процесс человеческого познания не может быть закончен потому, что объективно существующий мир, природа, постоянно изменяется, развивается. Познание есть отражение бесконечного и постоянно изменяющегося объективного мира, поэтому оно само представляет собой бесконечный, все время развивающийся процесс. Таким образом, говорит Энгельс, люди имеют дело с противоречивым процессом. С одной стороны, они стремятся познать природу исчерпывающим образом, а с другой — в силу законов внешней природы и известной ограниченности своей собственной природы они никогда не будут в состоянии вполне решить эту задачу. Человеческое мышление, указывает Энгельс, неограничено по своей познавательной способности, по своим задаткам, возможностям, по своей исторической конечной цели; но оно в то же время и ограничено, так как носителями его являются отдельные люди, мыслящие только ограниченно. Мышление отдельных людей, говорит Энгельс, «ограничено объективно историческим моментом, субъективно-физической и духовной организацией» человека. Противоречие между неограниченными возможностями человеческого мышления и его исторической, практической ограниченностью разрешается, как указывает Энгельс, только в бесконечном прогрессе, в нескончаемой преемственной смене людских поколений.

Марксистско-ленинское решение вопроса о диалектическом соотношении абсолютной и относительной истины имеет огромное значение не только для развития теории познания, но и для борьбы как против догматизма, так и против агностицизма, релятивизма. Оно в корне подрывает антинаучный взгляд метафизики на истину как на неподвижное, абсолютное, закостенелое и в то же время наносит решительный удар по скептицизму и агностицизму, отрицающим существование объективной, абсолютной истины, считающим наше знание только относительным, субъективным.

Против этих антинаучных течений в философии и были направлены слова Ленина, когда он, показывая единство и вместе с тем различие между относительной и абсолютной истиной, писал: «Вы скажете: это различение относительной и абсолютной истины неопределенно. Я отвечу вам: оно как раз настолько «неопределенно», чтобы помешать превращению науки в догму в худом смысле этого слова, в нечто мертвое, застывшее, закостенелое, но оно в то же время как раз настолько «определенно», чтобы отмежеваться самым решительным и бесповоротным образом от фидеизма и от аг-

ностицизма, от философского идеализма и от софистики последователей Юма и Канта»[1].

Критикуя последователей Юма и Канта — махистов, Ленин вскрыл реакционную сущность их релятивизма, показал коренное отличие теории познания диалектического материализма от релятивизма. Ленин говорил, что релятивизм как основа теории познания есть не только признание относительности наших знаний, но и отрицание объективной истины. Махистский релятивизм, поскольку он отрицает объективную, абсолютную истину, оправдывает всякую софистику. Для него все истины только условны, относительны. С точки зрения голого релятивизма, говорит Ленин, можно признать условным, умер ли Наполеон 5 мая 1821 года или не умер. Все это относительно.

«Материалистическая диалектика Маркса и Энгельса, — говорит Ленин, — безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к нему, т. е. признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине»[2]

Ленин резко выступил против попытки махистов извратить критику Энгельсом «вечных истин» Дюринга так, будто Энгельс вообще отрицает абсолютные истины. Борясь с релятивизмом Богданова, Ленин подчеркивает, что в человеческом познании есть абсолютные истины, т. е. такие истины, которые абсолютно верно отражают внешний материальный мир.

Под абсолютной истиной Энгельс и Ленин понимали такую истину, которая не может быть опровергнута в будущем. Так, например, теорию денежного обращения Маркса Ленин считает абсолютной истиной, ибо «соответствия этой теории с практикой не могут изменить никакие будущие обстоятельства по той же простой причине, по которой в е ч н а истина, что Наполеон умер 5-го мая 1821 года»[3].

Абсолютными истинами являются научные законы, как, например, закон превращения энергии, согласно которому любая форма энергии может превратиться и превращается в любую иную форму энергии. Благодаря новым открытиям в науке, говорил Энгельс, этому закону можно придать более богатое содержание. Но закон этим самым не отменяется, а расширяет наше знание явлений природы.

Далее принципы марксизма представляют собой абсолютные истины, так как соответствие этих принципов объективной действительности никогда не может быть опровергнуто. Но основополож-

---

[1] В. И. Л е н и н. Соч., т. 14, стр. 123.
[2] Там же, стр. 124.
[3] Там же, стр. 130.

ники марксизма учат конкретно-историческому подходу в применении этих принципов. Конечно, марксизм развивается и будет развиваться дальше: он не терпит застоя, однако развитие и обогащение марксизма не колеблет и не может поколебать его принципов. Товарищ Сталин указывает, что Ленин не отменял ни одного из принципов марксизма; напротив, развивая и обогащая учение Маркса и Энгельса, он целиком и полностью опирался на принципы марксизма.

На примере развития марксистской науки об обществе можно проследить диалектическое соотношение абсолютной и относительной истины. Известно, что Ленин и Сталин провели победоносную борьбу как против ревизионистов, отрицавших объективную истинность марксистского учения, так и против всевозможных догматиков, пытавшихся превратить марксизм в застывшую, неизменную схему. Ревизионисты и догматики, хотя и по-разному, подрывали марксизм, тормозили его дальнейшее развитие.

Ревизионисты под флагом «свободы критики» пытались стереть грань между марксизмом и буржуазной философией, чтобы тем самым очернить и принизить великое научное и революционное значение теории Маркса и Энгельса. В борьбе с ревизионизмом Ленин и Сталин отстояли марксизм от его извращений и показали, что марксизм есть совершенно новая, качественно отличная философия, являющаяся теоретической основой революционной борьбы пролетариата против капитализма. Марксистская наука представляет собой объективную истину, ее научные принципы незыблемы, хотя и непрерывно развиваются. Истинной, говорит товарищ Сталин, является лишь та теория, та идея, которая правильно отражает потребности развития материальной жизни общества и способна ввиду этого привести в движение широкие массы народа. Такой единственно истинной, правильно отражающей потребности развития материальной жизни общества, является теория марксизма-ленинизма. Теория марксизма-ленинизма, изучая объективные процессы капитализма в их развитии и отмирании, приходит к выводу о неизбежности падения буржуазии и захвата власти пролетариатом, о неизбежности замены капитализма социализмом.

«Марксизм, — говорит И. В. Сталин, — есть научное выражение коренных интересов рабочего класса» [1]. Пролетариат является самым передовым классом общества, последовательно и до конца революционным. Поэтому он заинтересован в наиболее глубоком научном познании законов общественного развития, чтобы, опираясь на это познание, наиболее плодотворно бороться за коммунистическое преобразование общества. Его интересы неотделимы от подлинной научности, от самого трезвого, объективного познания за-

---

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 484.

кономерностей природы и общества. Конечные цели пролетариата не противоположны объективному ходу развития истории, а, наоборот, совпадают с ним.

Марксистская теория призвана содействовать рабочему классу в его борьбе за коммунизм. Научная сила теории марксизма состоит в том, что она объективно представила эту борьбу как продукт капиталистического способа производства, раскрыла необходимость этой борьбы, ее содержание, ход и условия развития; на основе открытых законов развития капитализма она выяснила всемирно-историческую роль пролетариата как созидателя коммунистического общества.

Учение Маркса, говорит Ленин, всесильно потому, что оно верно. Оно правильно отражает законы общественного развития, точно воспроизводит основные противоречия, которые имеют место в общественной жизни. Именно это точное изображение в теории марксизма основных противоречий, которые имеют место в жизни капиталистического общества, делает эту теорию подлинно научной, объективной истиной. Однако марксизм, как и другие науки, не следует рассматривать догматически.

В работе «Анархизм или социализм?» товарищ Сталин, выступая против доктринеров в науке, писал, что диалектика смотрит на все критически, она отрицает отвлеченные догматические положения, которые остается только зазубрить, раз они открыты.

В речи на первом Всесоюзном совещании стахановцев, выступая против консерваторов в науке, товарищ Сталин говорил: «Если бы наука была такой, какой ее изображают некоторые наши консервативные товарищи, то она давно погибла бы для человечества. Наука потому и называется наукой, что она не признает фетишей, не боится поднять руку на отживающее, старое и чутко прислушивается к голосу опыта, практики. Если бы дело обстояло иначе, у нас не было бы вообще науки, не было бы, скажем, астрономии, и мы все еще пробавлялись бы обветшалой системой Птоломея, у нас не было бы биологии, и мы все еще утешались бы легендой о сотворении человека, у нас не было бы химии, и мы все еще пробавлялись бы прорицаниями алхимиков» [1].

Эти положения товарища Сталина имеют огромное теоретико-познавательное значение. Они раскрывают перед нами величайший смысл поступательного развития науки, процесс восхождения ее от старого, отжившего к новому, более глубокому и более совершенному знанию.

Теория марксизма, будучи объективной истиной, постоянно развивается и обогащается на основе учета новых данных других наук и нового опыта борьбы за коммунизм. Теория Маркса верно указывает нам путь движения к все более и более глубокому позна-

---

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 502.

нию мира, но сама она вовсе не претендует быть раз навсегда законченной истиной, истиной в последней инстанции.

В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин подчеркивает, что единственный вывод из того, что теория Маркса есть объективная истина, состоит в следующем: «...идя по пути марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же по всякому другому пути, мы не может придти ни к чему, кроме путаницы и лжи» [1].

Марксизм есть развивающаяся наука, поэтому он не может дать нам готовые рецепты на все случаи жизни. Было бы смешно требовать, говорит товарищ Сталин, чтобы классики марксизма выработали для нас готовые решения на все и всякие теоретические вопросы, которые могут возникнуть в каждой отдельной стране спустя 50—100 лет.

Марксизм есть не догма, а руководство к действию. Развитие марксистской теории Лениным и Сталиным — ярчайший образец творческого подхода к науке и вместе с тем подтверждение правильности положения марксистско-ленинской теории познания о соотношении абсолютной и относительной истины. Ленин и Сталин на основе обобщения новых данных науки и опыта внесли в марксизм целый ряд новых положений. Но это новое, внесенное Лениным и Сталиным в сокровищницу марксизма, базируется целиком и полностью на принципах, данных Марксом и Энгельсом.

Ленин и Сталин обогатили теорию марксизма новым опытом революционного движения, новыми положениями и выводами. Исходя из существа теории марксизма, они заменили некоторые ее положения и выводы, как устаревшие, новыми положениями и выводами, соответствующими новой исторической обстановке.

Товарищ Сталин учит нас историзму в подходе к теоретическим формулам и выводам марксизма. В своей гениальной работе «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин еще раз со всей силой подчеркнул, что те или иные выводы марксизма нельзя рассматривать в отрыве от того исторического периода, когда они были сделаны, что нельзя распространять эти выводы на все периоды развития и трактовать их как неизменные, раз навсегда данные, безусловные истины. Так, например, в сороковых годах прошлого века, когда не было еще монополистического капитализма, Маркс и Энгельс, говорит товарищ Сталин, пришли к выводу, что социалистическая революция не может победить в одной какой-либо стране, что она может победить лишь одновременно во всех или в большинстве цивилизованных стран. Этим выводом руководствовались потом все марксисты.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 130.

Однако в начале XX века, особенно в период первой мировой войны, когда капитализм домонополистический перерос в капитализм монополистический, Ленин, продолжает товарищ Сталин, исходя из марксистской теории, пришел к выводу, что в новых условиях развития социалистическая революция вполне может победить в одной, отдельно взятой, стране, что одновременная победа социалистической революции во всех странах или в большинстве стран невозможна. Старая формула Маркса и Энгельса уже не соответствовала новым историческим условиям.

Мы имеем здесь два различных, прямо противоположных вывода по вопросу о победе социализма, однако «оба эти вывода, — отмечает И. В. Сталин, — правильны, но не безусловно, а каждый для своего времени: вывод Маркса и Энгельса — для периода домонополистического капитализма, а вывод Ленина — для периода монополистического капитализма» [1].

Каждый из указанных выводов представляет собой истину, но не безусловную, ибо каждый из них правильно отражает объективную действительность только своего времени и не может быть распространен на все периоды развития.

В своем развитии наука о социалистической революции, как и марксизм в целом, обогащается все новыми и новыми истинами, открываемыми в каждый новый исторический период развития.

«Надо признать, — говорит товарищ Сталин, — ...что именно Ленин, а не кто-либо другой, открыл истину о возможности победы социализма в одной стране» [2]. Эта истина, открытая Лениным, явилась новым вкладом в теорию пролетарской революции, обогатившим марксизм.

Ленин на основе изучения опыта двух революций в России (революции 1905 г. и февральской революции 1917 г.), исходя из теории марксизма, в Апрельских тезисах 1917 года пришел к выводу, что наилучшей политической формой диктатуры пролетариата является не парламентарная демократическая республика, как считали Энгельс и все марксисты, а республика Советов. Ленин внес, таким образом, новый вклад в марксистскую теорию государства, обогативший ее.

Великие образцы обогащения марксизма-ленинизма новыми теоретическими положениями дает товарищ Сталин. Теоретические работы товарища Сталина являются неоценимым вкладом в развитие марксистско-ленинской науки, свидетельствующим о дальнейшем углублении и расширении нашего познания действительности.

Крупным шагом вперед в развитии марксистско-ленинской теории является доклад товарища Сталина на XVIII съезде ВКП(б).

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 50.
[2] И. В. Сталин. Соч., т. 8, стр. 304.

В нем товарищ Сталин развил дальше ленинскую теорию революции: «Он конкретизировал теорию о возможности построения социализма в одной стране и пришел к выводу о возможности построения коммунизма в нашей стране и в том случае, если сохранится капиталистическое окружение. Этот вывод товарища Сталина обогащает ленинизм, вооружает рабочий класс новым идейным оружием, дает партии великую перспективу борьбы за победу коммунизма, двигает вперед марксистско-ленинскую теорию» [1].

Теоретически обобщая практический опыт двадцатилетнего существования Советского социалистического государства, товарищ Сталин создал цельное и законченное учение о социалистическом государстве. На основе глубокого анализа главных фаз в развитии социалистического государства в СССР, изменения его функций товарищ Сталин пришел к выводу о необходимости сохранения государства и в период коммунизма, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение.

Каждое новое положение, вносимое Лениным и Сталиным в марксистскую науку, все шире и глубже развивает пределы этой науки, обогащает ее новым содержанием. В развитии марксизма-ленинизма нет предела для дальнейшего познания действительности, для дальнейшего обогащения марксистско-ленинского учения новыми теоретическими положениями и выводами.

Марксизм-ленинизм по самой своей природе есть живое, творческое учение. «Критический и революционный дух проникает с начала и до конца» это учение; оно не терпит застоя в своем развитии. Рассуждение о пределе развития марксистской науки «противоречит духу марксизма-ленинизма, поскольку оно начинает метафизически представлять марксизм как законченное и совершенное учение и может привести лишь к иссяканию живой и пытливой философской мысли» [2].

Марксистско-ленинская наука есть мировоззрение большевистской партии, оружие не только познания, но и изменения мира. Сила теории марксизма-ленинизма — в ее связи с практическими задачами рабочего класса в каждую данную эпоху. А задачи эти изменяются при каждом новом повороте истории. Развивающаяся практика ставит все новые и новые вопросы, требует от теории ответов. Научная теория не может стоять на месте. Именно в интересах сохранения научности теории марксизма-ленинизма, в интересах более тесной связи ее с общественной практикой необходимо развивать теорию, двигать ее вперед. В теории должно находить свое выражение научное, материалистическое объяснение новых яв-

---

[1] Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография, стр. 170—171.

[2] А. А. Жданов. Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», стр. 27. Госполитиздат. 1947.

лений общественной жизни. Большевистская партия всегда уделяла и теперь уделяет большое внимание вопросам теории марксизма, борется против косности, застоя в теории, двигает теорию марксизма вперед.

Только талмудисты могут рассматривать марксизм, отдельные его выводы как собрание догматов. В своем выдающемся труде по вопросам языкознания И. В. Сталин дал классическое определение марксизма как науки, с исключительной силой подчеркнул его творческий характер.

«Марксизм, — пишет И. В. Сталин, — есть наука о законах развития природы и общества, наука о революции угнетенных и эксплуатируемых масс, наука о победе социализма во всех странах, наука о строительстве коммунистического общества. Марксизм, как наука, не может стоять на одном месте, — он развивается и совершенствуется. В своем развитии марксизм не может не обогащаться новым опытом, новыми знаниями, — следовательно, отдельные его формулы и выводы не могут не изменяться с течением времени, не могут не заменяться новыми формулами и выводами, соответствующими новым историческим задачам. Марксизм не признает неизменных выводов и формул, обязательных для всех эпох и периодов. Марксизм является врагом всякого догматизма» [1].

Величайшим орудием борьбы против косности, застоя мысли в науке, как и в других областях, служит принципиальная критика и самокритика. Она не только будит научную мысль, но и направляет ее на познание новых явлений, порожденных изменениями в объективной действительности. Критика и самокритика помогает выявить реакционные теории в науке, отбросить их с пути познания, беспредельно углублять наши знания объективной реальности. Никакая наука, говорит И. В. Сталин, не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики.

Важнейшим принципом теории познания диалектического материализма является учение о конкретности истины. Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна. Это положение диалектического материализма получило свое полное обоснование и развитие в трудах классиков марксизма-ленинизма.

Еще Маркс говорил, что конкретное потому конкретно, что оно есть сочетание многоразличных определений, являясь единством многообразия. В самой объективной действительности конкретное представляет собой именно единство многообразия, взаимосвязь многочисленных и разнообразных явлений. Конкретность истины означает воспроизведение в мышлении, в понятиях человека явлений объективной действительности в их взаимосвязи, в их взаимоотношениях, в их единстве.

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 54—55.

«*Совокупность всех* сторон явления, действительности и их (взаимо) *отношения* — вот из чего складывается истина»[1], — говорит Ленин.

Чтобы знать предмет, говорил Ленин, надо охватить, изучить все его стороны, все связи с другими предметами. Мы никогда не достигнем этого полностью, но стремление к всестороннему изучению предметов предостерегает нас от ошибок.

В работе «О диалектическом и историческом материализме» товарищ Сталин подчеркивает, что ни одно явление в природе не может быть понято, если взять его в изолированном виде, вне связи с окружающими явлениями, ибо в таком случае любое явление в любой области природы может быть превращено в бессмыслицу, и, наоборот, любое явление может быть понято и обосновано, если оно рассматривается в его неразрывной связи с окружающими явлениями.

«Все зависит от условий, места и времени». Это положение товарища Сталина с предельной ясностью выражает суть принципа историзма марксистского философского материализма в теории познания, в учении о конкретности истины. Принцип историзма, конкретности в подходе к явлениям означает познание явлений с точки зрения тех условий, которые породили данные явления и с которыми они связаны.

В работе «Марксизм и национальный вопрос» товарищ Сталин, говоря о праве наций на самоопределение, указывал, что вопрос о формах самоопределения (автономия, федерация или сепарация) должен решаться с учетом интересов трудящихся масс в зависимости от конкретных исторических условий, окружающих данную нацию. Более того, условия, говорил товарищ Сталин, как и все, меняются, и решение, правильное для данного момента, может оказаться совершенно неприемлемым для другого момента.

Положение диалектического материализма о конкретности истины имеет большое значение для развития науки. Например, успехи в развитии передовой мичуринской биологии достигнуты благодаря применению принципа историзма, конкретного подхода к изучению животных организмов и растений. Благодаря изучению неразрывной связи животного организма с внешними условиями его жизни советские биологи-мичуринцы успешно вскрывают закономерный характер наследственных изменений организмов.

Положение диалектического материализма о конкретности истины имеет огромное значение для практической деятельности марксистской партии. Большевистская партия при выработке политических установок, лозунгов всегда исходит из всестороннего изучения конкретно-исторической обстановки. Истинность лозунгов нашей партии состоит в том, что каждый из них является верным

---

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 169.

отражением определенного периода в развитии истории борьбы за коммунизм. Так, например, в период реконструкции, индустриализации нашей страны партия и ее вождь товарищ Сталин выдвинули лозунг: «Техника в период реконструкции решает все». Этот лозунг правильно отражал важнейший исторический этап в развитии нашей страны по пути к социализму. Без техники нельзя было превратить нашу страну из аграрной в страну индустриальную. Поэтому тогда лозунг «техника решает все» помог партии ликвидировать голод в области техники и создать техническую базу для вооружения советских людей первоклассной техникой. И когда эта задача была в основном разрешена, товарищ Сталин, учитывая изменившиеся условия, выдвигает новый лозунг: «Кадры, овладевшие техникой, решают все».

Только учет всей совокупности условий исторической обстановки обеспечивает истинность лозунгов борьбы.

Роль практики в процессе познания

Одной из величайших заслуг классиков марксизма-ленинизма является то, что они впервые в истории материализма разработали вопрос о роли практики как основы всего человеческого познания и как определителя истинности наших знаний о внешнем мире. Наши знания о законах природы, говорит товарищ Сталин, проверенные практикой, являются достоверными знаниями, имеющими значение объективных истин.

В противоположность всей прежней философии марксистский философский материализм подчеркивает, что проверка знаний, отделение истинных представлений и понятий от ложных дается практикой. В практике своей человек должен доказать истинность познания. В борьбе с агностиками и догматиками Ленин и Сталин, так же как Маркс и Энгельс, подчеркивают решающую роль практики в познании и преобразовании человеком объективной действительности. Точка зрения практики, говорит Ленин, должна быть первой и основной точкой зрения теории познания. Практика входит в теорию познания и как критерий истины и как определитель связи предмета с тем, что нужно человеку.

Главный недостаток всего предшествующего материализма (включая и фейербаховский), как указывал Маркс, заключается в том, что предмет, действительность берется им только в форме созерцания, а не как чувственно-человеческая деятельность, практика. Фейербах, как и все материалисты до Маркса, понимал человеческую деятельность отвлеченно, созерцательно, а не как предметную деятельность, в процессе которой человек не только познает природу, но и активно изменяет ее. Старые материалисты рассматривали познание в отрыве от общественной практики и не могли понять взаимной связи познания с производственной деятельностью

людей. Они верили в достоверность человеческих знаний, признавали объективную истинность познания, соответствие человеческих представлений вне нас существующей действительности, но они не сумели указать, чем и как доказывается достоверность, истинность человеческого познания, не смогли подняться до понимания общественно-исторической практики как единственно правильного критерия истины.

Марксистский философский материализм не только признает соответствие человеческого познания объективной действительности, но и указывает, что доказательством этого соответствия является практика. «Господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы, есть доказательство того, что это отражение (в пределах того, что́ показывает нам практика) есть объективная, абсолютная, вечная истина» [1].

Учение марксистско-ленинской философии о критерии практики в теории познания в корне противоположно и враждебно различным идеалистическим взглядам на критерий истины. Идеалистическое понимание критерия сводится к субъективизму, к признанию того, что таким критерием может быть только само человеческое сознание. Так, например, многие из философов в прошлом (Декарт и др.) считали истинными лишь те представления и понятия, которые ясно и отчетливо мыслятся человеком.

Субъективизм составляет характерную черту неокантианского и махистского понимания критерия истины. Неокантианцы вслед за Кантом считают критерием истины логические принципы мышления, согласие знания с самим собой. Все то, что согласуется с априорными принципами мышления, в частности с «логическим законом тождества», является истинным.

Махист Богданов, например, выдвинул критерием истины «общезначимость». Под истиной он понимал все то, что одинаково мыслится или признается большинством людей. Субъективно-идеалистический взгляд на критерий истины присущ и прагматистам. Прагматисты хотя и считают практику критерием истины, но извращают ее в духе субъективизма. Практика для прагматистов — это узколобое делячество, все то, что удовлетворяет желания буржуа, служит его личным корыстным целям. Поэтому критерием истины, с точки зрения прагматистов, является полезность тех или иных представлений для дела. Значит, истинными представлениями и понятиями для прагматистов являются те, которые полезны, выгодны для практики субъекта, буржуа.

Таким образом, для всех указанных точек зрения истинными представлениями и понятиями могут быть только те, которые сообразуются с субъективным критерием истины.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 177.

С точки зрения субъективно-идеалистического критерия, все представления, поскольку они мыслятся согласно логическим принципам, признаются многими, являются истинными. Совершенно очевидно, что с помощью такого критерия, не выходящего за пределы субъекта, невозможно отличить истинные представления от ложных. И первобытное представление о том, что земля держится на трех китах, и религиозные вымыслы о сотворении мира и человека богом могут быть объявлены истинными, как любой закон природы.

Марксистский философский материализм решительно отвергает антинаучные, реакционные воззрения на истину и критерий истины и выдвигает материалистический критерий истины — общественную практику.

Разоблачая субъективно-идеалистический критерий истины в теории познания кантианцев и махистов, Ленин в своем гениальном труде «Материализм и эмпириокритицизм» подчеркивает, что в марксизме «вся живая человеческая практика врывается в самое теорию познания, давая объективный критерий истины...»[1]. В противоположность идеалистам, считающим критерием истинности человеческого знания соответствие его априорным логическим принципам сознания, классики марксизма-ленинизма учат, что только человеческая общественная практика доказывает истинность наших представлений и понятий, соответствие их объективной природе вещей.

В отличие от субъективно-идеалистического понимания практики марксистский философский материализм под практикой понимает всю общественную материально-производственную, научную, классовую и революционную деятельность людей, направленную на изменение мира, на преобразование его в интересах всего человечества. В практику, служащую нам основой и критерием в теории познания, входит прежде всего вся производственная деятельность людей, но практика не исчерпывается этим; производственная деятельность — это основное, главное, но в практику входят также и классовая борьба (в классовом обществе), политическая деятельность, научная деятельность (эксперимент, опыт, открытия и т. д.). В нашей стране производственная деятельность и основанная на ней всякая другая деятельность советских людей воплощена в практике строительства коммунистического общества. Практика представляет собой совокупность всей деятельности человечества, направленной на активное преобразование природы и общества. Только в таком широком смысле общественная практика может быть и является критерием истины в познании.

В практической деятельности люди, изменяя окружающую их природу, употребляя в своей деятельности предметы природы, под-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 177.

вергают вместе с тем испытанию истинность или ложность своих восприятий и представлений о предметах внешнего мира. Если эти восприятия, указывает Энгельс, были ложны, то и наше суждение о возможности использовать данные предметы будет ложным и всякая попытка такого использования неизбежно приведет к неудаче. Именно успех человеческой практики доказывает соответствие наших представлений объективной природе вещей, которые мы воспринимаем. Применяя и проверяя в практике своей понятия, законы, теории, мы приходим к выяснению истинности их. Так, например, когда человек сжигает в паровой топке уголь и при помощи пара приводит в движение турбину, в результате получает электрическую энергию, то эта практика и является доказательством, что закон превращения энергии правильно отражает действительность. Величайшим подтверждением истинности ленинской теории возможности победы социализма в одной стране явилась практика построения социализма в нашей стране.

Марксистский философский материализм учит, что практика служит не только критерием истинности или ложности теории, но и основой, на которой возникает, развивается и обогащается теория. Практика первична, она предшествует теории, определяет теорию. Существеннейшей первоосновой человеческого мышления является практическое изменение природы человеком.

В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин, критикуя агностиков, приводит слова Энгельса о том, что «прежде чем люди стали аргументировать, они действовали», «в начале было дело». Прежде чем люди дошли до разработки теории, они практически действовали. Так, например, благодаря деятельности человека создается представление о причинности, представление о том, что одно движение есть причина другого. Деятельность человека, говорит Энгельс, дает возможность доказательства причинности. Если, взяв зажигательное зеркало, мы концентрируем в фокусе солнечные лучи и вызываем ими такой эффект, который дает обыкновенный огонь, то мы доказываем этим, что от солнца получается тепло.

Прежде чем люди дошли до разработки теории наследственности, они практически изменяли наследственность растений и животных сообразно своим потребностям. Современная биологическая теория направленного изменения наследственности — результат обобщения многовековой практики земледелия и животноводства по изменению и улучшению видов растений и пород животных. Эта практика достигла невиданных успехов в нашей стране за годы существования Советской власти, что и привело к расцвету передовой мичуринской биологии.

Практика является именно той питательной почвой, на которой вырастает и развивается наука, теория. «...Если бы не было капитализма и классовой борьбы, — говорит товарищ Сталин, — не

было бы и научного социализма»[1]. Знания, которыми обладали Маркс и Энгельс, не могли бы дать теорию научного социализма, если бы Маркс и Энгельс не опирались на практику революционной борьбы пролетариата, если бы они не изучали фактический опыт массового рабочего движения. Следовательно, теория научного социализма возникла как результат обобщения практики революционного движения пролетариата. Отсюда понятен глубокий смысл слов товарища Сталина, когда он говорит, что теория марксизма есть опыт рабочего движения всех стран, взятый в его общем виде. Теория марксизма вызвана к жизни практическими потребностями революционного движения рабочего класса.

Практика имеет определяющее значение не только в смысле возникновения теории, но и в смысле ее развития. Воздействуя на природу, изменяя ее, человек создает себе новые условия, а новые условия выдвигают новые вопросы, на которые теория должна дать ответ.

В работе «К вопросам аграрной политики в СССР» товарищ Сталин говорит: «Новая практика рождает новый подход к проблемам экономики переходного периода... Чтобы не отстать от практики, надо заняться теперь же разработкой всех этих проблем с точки зрения новой обстановки»[2]. Это положение товарища Сталина имеет огромное значение и сейчас, когда гигантская практика строительства коммунистического общества в Советском Союзе ежедневно ставит перед нами все новые и новые вопросы, на которые ученые и теоретики нашей страны должны дать ответ. На основе обобщения новых процессов в нашем социалистическом обществе необходимо двигать вперед теорию Советского государства, теорию современного естествознания, этику и эстетику.

Однако обобщить и осмыслить новые процессы объективной действительности и отразить их в теории, искусстве, политике — не простая, а весьма сложная задача, посильная вначале лишь передовой части нашей партии.

«Возможно ли, — говорит товарищ Сталин, — чтобы правящая партия сразу схватывала новые процессы, творящиеся в жизни, и так же сразу отражала их в своей практической политике? Я думаю, что невозможно. Невозможно, так как сначала бывают факты, потом их отражение в сознании наиболее передовых элементов партии, и только после этого наступает момент осознания новых процессов в головах массы членов партии»[3].

Яркие образцы обобщения новых процессов, происходящих в жизни, дает нам товарищ Сталин. Обобщая огромный, еще невиданный в истории практический опыт строительства социализма в на-

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 102.
[2] И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 143.
[3] Там же, стр. 232.

шей стране, товарищ Сталин пришел к выводу о возможности построения коммунизма в СССР.

Таким образом, практика имеет определяющее значение в развитии теории. Из практики наука черпает свое содержание, на практике она проверяется. Наука, оторванная от практики, не может быть наукой, она неизбежно становится догмой, фразой. Данные науки всегда проверялись практикой.

«Практика, — пишет Ленин, — выше (теоретического) познания, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности» [1]. Теория есть обобщение практики. Практика выше теории в том смысле, что она представляет собой объективную реальность, является непосредственной действительностью, которая отражается в теории.

Классики марксизма-ленинизма, показывая в своих трудах определяющую роль практики в развитии теории, примат практики как основы и критерия истины, в то же время подчеркивают огромное значение теории для практической деятельности людей, ее преобразующую роль. Не следует забывать слов Ленина, говорит товарищ Сталин, что без ясной и правильной теории не может быть правильной практики.

Теорию и практику необходимо рассматривать как диалектическое единство. «...Теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой, точно так же, как и практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией» [2]. В этих словах товарища Сталина ярко и глубоко выражена диалектика теории и практики. Товарищ Сталин еще в ранних своих работах придавал исключительно большое значение этому важнейшему вопросу марксизма-ленинизма. В статье «Коротко о партийных разногласиях», утверждая необходимость соединения научного социализма с рабочим движением, товарищ Сталин сравнивает их с компасом и кораблем. Научный социализм без рабочего движения все равно, что компас, который, будучи оставлен без применения, может лишь заржаветь, и тогда пришлось бы его выбросить за борт.

Точно так же и рабочее движение без научного социализма — это корабль без компаса, который и так пристанет к другому берегу, но, будь у него компас, он достиг бы берега гораздо скорее и встретил бы меньше опасностей.

Соедините то и другое вместе, говорит товарищ Сталин, и вы получите прекрасный корабль, который прямо понесется к другому берегу и невредимым достигнет пристани. Следовательно, практическая деятельность и теория должны быть слиты воедино.

---

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 185.
[2] И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 88—89.

Однако слияние, или соединение, теории с практикой нельзя понимать механически. Примат, первенство в этом единстве, как было указано, принадлежит практике. Огромная роль общественной практики состоит в том, что она не дает теории превратиться в застывшую догму, что она стимулирует движение теории вперед. Общественная практика, материальные потребности людей не только вызывают к жизни, но и продвигают науку, теорию вперед. Если у общества появляется потребность, то она, говорит Энгельс, продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов.

Новым огромным стимулом развития советской науки являются великие стройки коммунизма (гидроэлектростанций на Волге, новых оросительных и обводнительных систем на Украине, в Туркмении, в Крыму и других районах Советского Союза). Создание гигантских новых сооружений требует от ученых нашей страны быстрого решения разнообразных научных проблем, способствует дальнейшему расцвету естествознания. Великие стройки коммунизма — новый стимул для дальнейших открытий в области различных наук (физики, химии, геохимии и т. д.), для новых теоретических обобщений.

Но теория, возникая и развиваясь на основе практики, проверяясь практикой, не может быть пассивным отражением действительности, простым копированием фактов и данных практики. Она должна не только поспевать за практикой, но и опережать ее, вооружая практиков в их борьбе за преобразование природы и общественной жизни, она должна в свою очередь активно воздействовать на практическую деятельность людей.

Марксистско-ленинский принцип единства теории и практики— руководящий принцип для всех наук. Только он обеспечивает успех более глубокого научного познания законов природы. Так, например, тесная связь агробиологической науки с колхозно-совхозной практикой, как говорит академик Лысенко, создает неиссякаемые возможности развития самой теории для все лучшего и лучшего познания природы живых тел и почвы.

Мичуринское учение представляет собой наилучшую форму воплощения единства теории и практики в биологической науке. Практика, практические задачи социалистического строительства в нашей стране явились огромным стимулом для разработки теоретических вопросов мичуринской биологии (проблема вида, вопрос о внутривидовых и межвидовых взаимоотношениях особей и т. д.). Но разработка теоретических вопросов биологии дала возможность по-новому решить такие важнейшие практические вопросы, как борьба с сорняками в земледелии, быстрое и широкое лесоразведение в степных районах и многие другие вопросы.

Теория, если она правильно отражает потребности материальной жизни общества, «дает практикам силу ориентировки, ясность

перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела»[1].

Ленин и Сталин придают серьезное значение передовой теории и с особой силой подчеркивают ее мобилизующую, организующую и преобразующую роль в жизни общества, в истории общества. Они неоднократно указывали в своих работах, что, только руководствуясь передовой, марксистской теорией, можно добиться успехов в практической работе.

На XVII съезде партии товарищ Сталин говорил, что только наша партия знает, куда вести дело, и ведет его с успехом. Своим преимуществом наша партия обязана тому, что руководствуется в своей работе учением Маркса, Энгельса, Ленина. Не может быть сомнения, говорил товарищ Сталин, что пока мы остаемся верными этому учению, пока мы владеем этим компасом, будем иметь успехи в своей работе. С какой огромной силой звучат эти слова Сталина в применении к современным задачам трудящихся СССР и рабочего класса всего мира! Только освещая путь движения вперед немеркнущим светом учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, можно обеспечить успех строительства коммунизма в нашей стране, победу социализма в странах народной демократии и разгром сил лагеря империализма, международной реакции.

Вопрос о роли и значении передовой теории Ленин и Сталин разрабатывали в непримиримой борьбе как против субъективизма народников, анархистов, отрицавших первенствующую роль условий материальной жизни в развитии общества, так и против вульгарного материализма «экономистов», меньшевиков, игнорировавших мобилизующую, организующую и преобразующую роль передовой теории.

Ленин и Сталин дали материалистическое, научное обоснование роли передовой теории в развитии общества. Сила и жизненность марксизма-ленинизма состоит в том, говорит товарищ Сталин, что он опирается на передовую теорию, правильно отражающую потребности развития материальной жизни общества, поднимает теорию на подобающую высоту и использует до дна ее мобилизующую, организующую и преобразующую силу.

Принцип единства теории и практики, особенно полно разработанный товарищем Сталиным, представляет собой результат глубоко научного обобщения огромного опыта истории развития передовой науки, революционного движения рабочего класса и строительства социализма в нашей стране. Весь этот гигантский опыт, обобщенный в трудах товарища Сталина, — яркое подтверждение истинности сталинских положений о единстве теории и практики, имеющих исключительно большое значение в деятельности нашей партии и в развитии советской науки.

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 142.

«...Связь науки и практической деятельности, связь теории и практики, их единство должно стать путеводной звездой партии пролетариата» [1].

Классики марксизма-ленинизма, указывая на определяющую роль практики в познании, в развитии теории, подчеркивают относительную самостоятельность теории, ее способность активно воздействовать на практику. Но из этого следует, что теория, будучи отражением объективного мира в человеческом сознании, не может абсолютно совпадать с практикой; она может опережать практику (научное предвидение), указывать путь практике. Ярким примером этого служит теория марксизма-ленинизма, которая, являясь отражением объективной действительности, опережает практику, освещает дальнейший путь практике.

Марксистский философский материализм считает, что нельзя абсолютизировать практику как критерий истины. «...Не надо забывать, — писал Ленин, — что критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть полностью какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма» [2].

Критерий практики относителен, потому что общественная практика не стоит на одном месте, а все время изменяется и развивается. Поэтому истинность теории доказывается не только данной практикой при данных условиях в данное время, но всей практикой — прошлой, современной и будущей, т. е. практикой, взятой в ее историческом развитии.

Учение научного социализма Маркса и Энгельса о неизбежной гибели капитализма и победе социализма, возникшее как отражение прошлой человеческой практики, законов развития капитализма, подтвердилось самим ходом исторических событий во всем мире и в особенности Великой Октябрьской социалистической революцией и победой социализма в нашей стране. Но теоретические выводы Маркса и Энгельса о социализме несомненно были достоверными, истинными и до того, как социализм победил, т. е. до практического осуществления социализма, ибо они верно отражали объективный ход развития истории человеческого общества. Выводы товарища Сталина о возможности победы коммунизма в нашей стране являются достоверной истиной, так как они правильно отражают весь ход, всю практику строительства социализма в СССР, хотя практически коммунизм в нашей стране еще не построен.

---

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 545.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 130.

Отметая метафизическое и вульгарное понимание практики как критерия истины, марксистский философский материализм в то же время ведет решительную борьбу против релятивизма и идеализма, не признающих объективный критерий практики в познании. Если в борьбе с метафизическим пониманием критерия истины классики марксизма-ленинизма подчеркивают относительность критерия практики в познании, то в борьбе с агностицизмом и идеализмом они со всей силой подчеркивают, что только общественная человеческая практика может быть и является не только основой познания, но и единственным объективным критерием достоверности наших знаний о внешнем мире.

* * *

Положение марксистского философского материализма о познаваемости мира и его закономерностей классики марксизма-ленинизма распространили на познание общественной жизни, применили его к истории общества, к практической деятельности партии пролетариата. Они показали, что учение философского материализма о познании утверждает познаваемость общественной жизни, так же как и природы, и коренным образом противоположно неокантианскому агностицизму и всякому идеализму вообще.

В работе «О диалектическом и историческом материализме» товарищ Сталин пишет: «Если мир познаваем и наши знания о законах развития природы являются достоверными знаниями, имеющими значение объективной истины, то из этого следует, что общественная жизнь, развитие общества — также познаваемо, а данные науки о законах развития общества, — являются достоверными данными, имеющими значение объективных истин» [1].

Это положение марксистского философского материализма о познаваемости законов развития общественной жизни, четко сформулированное товарищем Сталиным, является итогом, выводом из истории развития марксистской науки об обществе, из истории познания законов общественного развития.

Марксистская общественная наука на основе познания законов развития капиталистического общества устанавливает неизбежность гибели капитализма, выносит смертный приговор буржуазии. Это обстоятельство заставляет врагов марксизма, буржуазных ученых распространять в интересах буржуазии реакционные идеи о непознаваемости исторических законов, чтобы тем самым ослабить влияние марксизма на трудящиеся массы.

Так, например, неокантианцы Виндельбанд, Риккерт, Булгаков в борьбе против исторического материализма усиленно распространяли антинаучную теорию «социального агностицизма», реакцион-

---

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 544.

ная сущность которой заключается в отрицании объективной закономерности общественного развития, в отказе от познания истории общества. Они считали, что исторические события так не похожи одно на другое, так индивидуализированы, что в них будто нет никакой повторяемости, и потому нельзя установить законов общественного развития, а следовательно, невозможно предвидеть будущее по прошлому и настоящему. Общественные явления, говорили неокантианцы, можно только описывать каждое в его индивидуальности, без установления исторических законов.

Современные буржуазные философы и социологи, подобно своим предшественникам — неокантианцам, отрицают науку об обществе, заменяют ее простым описанием событий, предоставляя историкам полный произвол в оценке этих событий, ставя истолкование их в полную зависимость от воли личности. Субъективный подход к описанию событий порождает произвольность выводов, извращает объективный ход истории, создает у людей превратное о нем представление. С помощью подобного рода фальсификации истории современные буржуазные социологи пытаются развенчать и подорвать уверенность пролетариата в победе социализма, ослабить его борьбу против угнетателей, примирить его с капиталистической эксплуатацией.

Еще Маркс говорил, что правдивое изображение действительности в теории несовместимо с интересами буржуазии. Раз понята связь вещей, рушится вся теоретическая вера в постоянную необходимость существующих порядков, рушится еще до того, как они развалятся на практике.

Современные буржуазные философы и ученые в угоду узко классовым интересам буржуазии не только отказываются от науки и научных обобщений фактов, от научного анализа капиталистического общества, но и извращают действительные отношения между людьми, искажают реальные факты и события.

Ленин, разоблачая классовый смысл модного буржуазного скептицизма Струве, указывал, что отказ Струве от анализа социального неравенства и научных обобщений вызван тем, что это нежелательно для буржуазии.

В противоположность буржуазным философам, рассматривающим историю как хаос случайных явлений, не связанных между собой причинной связью, отрицающим возможность науки об обществе, марксизм-ленинизм учит, что развитие не только природы, но и общества подчинено объективным закономерностям, которые вполне познаваемы.

«...Наука об истории общества, — говорит товарищ Сталин, — несмотря на всю сложность явлений общественной жизни, может стать такой же точной наукой, как, скажем, биология, способной

использовать законы развития общества для практического применения»[1].

Такой точной наукой об истории общества является марксизм-ленинизм, вооруживший рабочий класс и его коммунистическую партию знанием законов развития общества для того, чтобы они были использованы в практике строительства коммунистического общества.

Подлинная наука об обществе впервые была создана Марксом и Энгельсом. Подобно тому как Дарвин, говорил Ленин, положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные и неизменные, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменяемость видов и преемственность между ними, так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс.

Маркс, открыв законы возникновения и развития капиталистического общества, показал тем самым на деле, что общественная жизнь имеет свои объективные законы и что эти законы вполне познаваемы. Марксизм опроверг измышления агностиков, субъективистов о том, будто в истории общества нет повторяемости явлений и потому она непознаваема. Маркс сумел найти объективный критерий в понимании общества, выделив производственные отношения как основу общества. Анализ материальных общественных отношений (т. е. таких, которые не зависят от сознания людей) дал возможность Марксу подметить повторяемость и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие общественной формации. Такое обобщение и дало возможность перейти от описания общественных явлений к строго научному анализу их, к открытию закономерностей общественного развития.

Теория марксизма-ленинизма, отражающая объективную закономерность развития общественной жизни, враждебна всякой аполитичности, пассивному созерцанию действительности, безразличию к классовым интересам пролетариата. Марксистско-ленинская теория органически соединяет высшую научность с партийностью, научную объективность в анализе действительности с решительной борьбой против буржуазных теорий, извращающих действительность в интересах эксплуататоров.

Ленин и Сталин, развивая историческую теорию марксизма, вели беспощадную борьбу против агностицизма и скептицизма, разоблачая агностиков и скептиков, как заклятых врагов марксистской науки, большевистской партии, как прислужников старого мира — ка-

---

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 544.

питализма, — пытавшихся задержать движение истории вперед. Агностицизм и скептицизм и ныне являются оружием буржуазной реакции, с помощью которого буржуазные идеологи — ученые и философы — проповедуют трудящимся массам неверие в творческие силы рабочего класса, невозможность построить общественную жизнь на новых, социалистических отношениях людей.

Товарищ Сталин разбил впрах буржуазную контрреволюционную теорию о невозможности победы социализма в одной стране, с помощью которой враги социализма культивировали среди пролетариев отдельных стран не дух революционной решимости, а дух гамлетовских сомнений в возможности победы социализма. Выступая против врагов строительства социализма в нашей стране, товарищ Сталин говорил, что без уверенности построить социализм не может быть воли к строительству социализма.

Товарищ Сталин вооружил нашу партию и рабочий класс неиссякаемой верой в победу коммунизма в нашей стране, поднял их на трудовые подвиги. Благодаря этому социализм в нашей стране стал фактом. «Доказано на опыте нашей страны, — говорил товарищ Сталин на XVII съезде партии, — что победа социализма в одной, отдельно взятой стране — вполне возможна. Что можно возразить против этого факта?» [1].

На протяжении всего периода строительства социализма в нашей стране буржуазные скептики пытались распространять среди рабочего класса дух сомнения, неверия в победу социализма.

Еще в 1917 году, когда большевики брали власть, скептики сеяли сомнения в успехе этого дела, распространяли версию о том, что большевики провалятся. На деле, говорит товарищ Сталин, провалились не большевики, а скептики.

Скептики сомневались в осуществлении первого пятилетнего плана, полагая, что у большевиков с пятилеткой дело не выйдет. Факты, однако, показали, говорит товарищ Сталин, что скептикам опять не повезло: пятилетний план был осуществлен в четыре года. Итоги пятилетки показали, что рабочий класс способен так же хорошо строить новое, как и разрушать старое. «...Итоги пятилетки показали, — подчеркивает товарищ Сталин, — что партия непобедима, если она знает, куда вести дело, и не боится трудностей» [2].

Таким образом, скептики были биты, биты самими фактами действительности, самой жизнью, практикой. И это вполне естественно, ибо все положения скептиков о неосуществимости социализма ложны; они не отражали объективной действительности и представляли собой образец предвзято субъективных вымыслов, служивших интересам врагов социализма, интересам буржуазии.

---

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 465.
[2] Там же, стр. 397.

Успехи большевистской партии в строительстве социализма достигнуты благодаря тому, что она в своей практической деятельности руководствовалась не случайными мотивами, а законами развития общества, практическими выводами из этих законов.

Только знание законов общественного развития, овладение марксистско-ленинской теорией дают возможность большевистской партии предвидеть ход исторических событий, намечать правильную политику и обеспечивать тем самым успех своего дела.

«Сила марксистско-ленинской теории состоит в том, что она дает партии возможность ориентироваться в обстановке, понять внутреннюю связь окружающих событий, предвидеть ход событий и распознать не только то, как и куда развиваются события в настоящем, но и то, как и куда они должны развиваться в будущем» [1].

Научное предвидение классиков марксизма-ленинизма основано на глубоком проникновении в сущность процессов общественного развития, на познании законов этих процессов. Все прогнозы классиков марксизма-ленинизма оправдались потому, что они основаны на глубоком знании законов общественного развития, что они тесно связаны с революционной практикой.

Победоносная социалистическая революция в России и построение социализма в нашей стране, усиление могущества Советского Союза и рост сил демократии и социализма во всем мире являются торжеством научного предвидения, неопровержимым доказательством правильности марксистско-ленинского учения о законах развития общества, о познаваемости явлений не только природы, но и общественной жизни, о силе и могуществе человеческого разума, способного не только познать мир, но и переделать его.

В нашей стране, в стране победившего социализма, созданы все условия для беспредельного развития науки и ее применения в практической борьбе за преобразование природы и построение коммунизма. Марксистский философский материализм укрепляет уверенность в познании законов природы и вооружает советских ученых на новые теоретические искания.

Труды классиков марксизма-ленинизма, проникнутые глубокой воинствующей партийностью, вооружают нас знаниями законов развития общества, острым оружием в борьбе против вздорных измышлений буржуазной философии о бессилии науки познать мир. Они открывают перед прогрессивными людьми широчайшие перспективы творческого познания мира и практического преобразования его в интересах всего человечества.

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 339.

Цена 1 р. 30 к.